

Архимандрит Афанасий (Нечаев): Из проповедей в День Святой Троицы. Слово на вечерне

Проповедь

Три раза Господь Бог сходил на землю к людям, чтобы вразумить создание Свое и направить на путь истинной жизни течение дел человеческих. Книга Бытия говорит: «И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие. И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать; сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город [и башню]. Посему дано ему имя: Вавилон, ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле». (Быт 11: 7-9).

Это первая пятидесятница—языческая. Через пять веков после потопа люди опять извратились и вместо того, чтобы строить из себя дом духовный, для обитания в них Бога, начали строить башню, высоту до небес—дом гордости и тщеславия,—вместо прославления Имени Божия, захотели прославить имя человеческое. Отсюда и произошли язычники—поклонники вымысла человеческого, поклоняясь вместо Творца твари. Посему и наказаны разделением языка единого на множество наречий. Так перестали люди понимать Единого Бога, поклонившись многим богам: и потому заговорили на многих языках. И отнято было от людей благословение Божие, которое заключалось в единстве языка и в понимании друг друга. И вот, когда Господь Бог решил вернуть Свое благословение людям, в лице Израильского народа, Он дал им единство языка и понимания и единство в устройстве жизни духовной и общественной. Он дал им единый закон на Синае. «И сказал Господь Моисею: »Вот Я приду к тебе в густом облаке, дабы слышал народ, как Я буду говорить с тобою, и поверил тебе навсегда". Это еврейская пятидесятница, происшедшая в пятидесятый день по выходе из Египта. Но вот ныне мы празднуем Пятидесятницу; в третий раз Господь сошел на землю, в виде огненных языков, и в шумном ветре. Сошел, чтобы люди снова начали понимать друг друга,—"И исполнились все Духа Святого, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать".

Дар—противоположный смешению языков—апостолы начали говорить сразу на многих языках. А вернее, это был единый язык Духа Святого,—и единство языка было возвращено роду человеческому, но только верующему во Имя Божие, а не во имя человеческое. Сегодня мы все имеем этот язык Святого Духа. Сегодня род человеческий может строить башню до небес, Церковь Христову, заменившую скинию ветхозаветную, которая в свое время заменила башню Вавилонскую. Да, человечество призвано построить из себя дом духовный, из живых камней, обожженных благодатью Духа Святого. И каждый христианин есть такой именно камень в составе Дома Божия—Церкви Христовой. Сегодня каждый из нас должен осознать себя живым камнем в организме Христовой Церкви. Должен вновь освятиться огнем Духа Святого,—воспринять в себя заново благодать огненных языков, чтобы понимать друг друга, по слову апостола: «Будьте единомысленны и единокорны». И сегодня мы видим в Церкви Христовой множество племен: русские, греки, сербы, болгары, и пр., и пр.,—много языков,—но один Дух и одно понимание, одна вера. Так вернул Господь Свое благословение, отнятое у строителей башни Вавилонской. Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение! Аминь.

Слово на литургии

В пятидесятый день после Воскресения Христова, Дух Святой сошел на апостолов в виде огненных языков, и дал им способность говорить на разных языках. Какой в этом смысл? Разве сохранили апостолы этот дар на всю жизнь? Разве проповедовали они на тех самых языках, которыми говорили в день сошествия Святого Духа, когда из Иерусалима рассеялись по разным странам? Нет, мы знаем, что этот дар не сохранился у них навсегда, и проповедовали они другим народам на греческом, общераспространенном тогда языке, и писания свои они оставили им по-еврейски или по-гречески. Зачем же, в таком случае, они получили этот дар? Затем, чтобы это было символом, знамением, что Господь Бог возвращает Свое благоволение роду человеческому, отнятое у него во время строения Вавилонской башни. Тогда Господь «смешал языки», чтобы люди перестали понимать друг друга. Теперь Он дает им опять ЕДИНЫЙ ЯЗЫК, язык Духа Святого, чтобы люди получили возможность понимать друг друга, и таким образом,—быть в любви через единомыслие. Апостолы заговорили разными языками человеческими, но кроме того, им даны были также единые мысли и чувства, чтобы они проповедовали единое Откровение, единое Евангелие. Если бы они не переживали единого вдохновения, то на разных языках они передавали бы разное, что не соединяло бы людей в единомыслие, а наоборот, разъединяло бы их. Значит, сущность дара языков не во внешней способности речи, а в единстве внутреннего откровения. И для передачи сего откровения не было непременною необходимостью снабдить всех проповедников иностранными языками. Значит, этот дар был лишь внешним знамением взаимопонимания, которое снизошло с неба на землю в явлении Духа Святого. И этот дар единства откровения сохранился до сих пор. Мы, все христиане, имеем этот дар по слову апостола Петра, сказанному в тот момент слушателям: «Вам принадлежит обетование сие, и детям вашим, и всем дальним, кого ни призовет Господь Бог». И действительно, «все мы напоены одним Духом»,—"никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым". Так, в день Пятидесятницы, каждый из нас уже был приобщен промыслом Божиим к принятию Духа Святого. Если бы Дух Святой не сошел и не дал людям новый, единый язык духовный, то не было бы и Церкви Христовой. Чтобы созидать Церковь, надо быть всем в единомыслии. Церковь есть не внешнее строение, а совокупность верующих. Люди не могли построить даже вещественную башню Вавилонскую, когда потеряли способность понимать друг друга. Тем более, мы не можем соединяться в любви, строить из себя дом духовный друг с другом, если не будет в нас Единого Духа, а через Него—единства во всем. Если нет этого единства, то и жизнь человеческая становится невыносимой. Касается ли это семьи, или государства, или Церкви, все строится на единстве целей и средств, и на взаимном понимании. Почему люди после потопа через 5700 лет, задумали строить Вавилонскую башню? Потому что они боялись рассеяться, разъединиться. Стремление к единству заложено в основу нашего существа.

Священник Георгий Кочетков: Из проповедей во Владимирском соборе (сентябрь 1991 года)

Проповедь

7 сентября. Слово на вечерне после паримии (Быт 28: 10-17)

Дорогие братья и сестры! В отрывке, который вы слышали, речь идет о том, как Господь открылся праотцу патриарху Иакову во сне, в видении лестницы, стоя наверху ее. Он сказал: «Я Господь, Бог Авраама, отца твоего, и Бог Исаака». И мы знаем, что впоследствии к этой формуле будет приложено еще «и Бог Иакова», самого Иакова, который получил это

откровение. И вот, что же произошло с Иаковом? Иаков получил откровение Божие и, пробудившись от сна, сказал: «Истинно Господь присутствует на месте сем; а я не знал!» И он убоился тогда и произнес: «Как страшно сие место! Это не иное что, как дом Божий, это врата небесные». И вот, братья и сестры, удивительным образом это приложимо и к тому месту, где мы с вами сейчас находимся, потому что это место тоже стало местом откровения, тоже стало тем местом, где сила Божия совершилась в немощи, где тоже узнан Истинный Господь в Своем присутствии через Владимирскую икону Божьей Матери. И это сейчас действительно «не что иное, как дом Божий и врата небесные». Братья и сестры, поразительно, как ветхозаветный текст, пророческий текст, близок нам, близок нашей истории, близок нашему народу, близок сердцу каждого находящегося здесь. Когда враги Креста Христова пытались одолеть Москву, несокрушимым препятствием для них стала сила Божия, явленная через веру людей. Это откровение было в пришествии иконы Божьей Матери, в чем и открылась сила Божия. Братья и сестры, если бы не было этой веры в истории, веры народа, всего нашего народа, то не принесли бы сюда Владимирскую икону Божьей Матери. Но, уповая на Бога, уповая на помощь Пресвятой Богородицы, уповая на молитву, люди встречали здесь Ее образ, и произошло чудо—несметная сила человеческая, недружелюбная нам, была отогнана. Воистину Господь присутствует на месте сем! Действительно, это столь важное для нашей истории место стало Вратами Небесными, и не случайно здесь возник дом Божий, который сейчас снова, первый раз за многие десятилетия, в этот день года принимает всех желающих помолиться и прославить Пречистую Божию Матерь. Братья и сестры! Мы с вами радуемся этому откровению и понимаем, какая огромная ответственность лежит на нас, если мы наследники того, что здесь произошло. Лишь бы наши сердца остались верующими, и тогда Господь будет с нами во веки веков. Аминь.

Слово на исповеди после вечерни

Братья и сестры! Когда мы с вами празднуем праздник Божьей Матери, мы вспоминаем о том, что Она—"честнейшая херувим и славнейшая без сравнения серафим". Мы вспоминаем о том, что человек призван быть выше ангелов, по причастию божественному естеству, божественному Свету, божественной природе, что мы должны стать «соратниками у Бога». Когда же мы вспоминаем об этом призвании человеческом, то начинаем сравнивать его с тем, как мы живем. И мы видим большое различие, очень большое, принципиальное. И тут мы должны помнить, что согрешив против ближнего, против человека, как и против себя, мы грешим против Бога. А если мы грешим против Бога, то мы грешим и против ближнего, и против себя. Нам действительно очень часто не хватает веры, той веры, которая покрывала бы множество прегрешений, той веры, которая не позволяла бы нам отойти от Бога и оставить в одиночестве ближнего. Вы можете спросить: а где нам взять столько времени, столько сил, чтобы воплотить все это в жизнь? Но, братья и сестры, для этого не нужно никаких дополнительных сил и никакого дополнительного времени. Если бы мы жили, сохраняя те отношения, которые у нас есть, но преображая их, одухотворяя их, то ничего дополнительного нам и не нужно было бы по времени и по силам. Это все—сила Духа, и нам с вами, на самом-то деле, не хватает этого Духа, а не времени. Поэтому когда мы себя оправдываем, оправдываем наше нехристианское поведение тем, что нам не хватает этих сил, этого времени, то это значит, что мы просто не желаем видеть истинного положения вещей. Прости нас, Господи, за эту нашу нетрезвенность и безответственность. Мы очень часто готовы осуждать людей, готовы не верить людям, готовы свое мнение чтить выше и ставить его выше человека, выше нашего ближнего. Прости нас, Господи, что мы часто обольщаемся в отношении себя, обольщаемся и в отношении ближнего. Обманываемся или впадаем в противоположную крайность—вообще отрицаем саму возможность суждения о ближних, когда под покровом прописных истин откладываем саму эту свою обязанность, говоря: «Это грех, кто может судить о чем-то или о ком-то?» И нам кажется, что этим снимаются все проблемы. Прости нас, Господи, за наше

лукавство, в тех случаях, когда мы это делаем, потому что мы призваны как раз к тому, чтобы таких суждений не высказывать. Мы призваны не к тому, чтобы быть грешными как все, а к тому, чтобы жить пред лицом Божиим так, чтобы прощались наши грехи и беззакония. Прости нас, Господи, когда мы под видом духовной свободы теряем эту свободу ради собственного произвола. Прости нас, Господи, когда мы под видом любви теряем любовь ради собственной похоти. Прости нас, Господи, когда мы под видом веры теряем веру ради собственных суеверий и привычек. Прости нас, Господи, за то, что мы часто живем, как механизмы, очень механически, когда схемы, столь нужные во внешней жизни, проникают внутрь нашей жизни, когда мы сами становимся похожими на роботов. При этом мы часто говорим, что нам никакие схемы не нужны, никакие формы не нужны. Прости нас, Господи, за все это лукавство. Прости нас, Господи, за неверность. Где недостаток веры, там и неверность, братья и сестры. Прости нас, Господи, за неверность Богу, неверность ближнему, неверность Церкви святой. Мы очень легко предаем ближних и Церковь. Мы очень часто не можем возразить людям, которые хулят Бога и Церковь, надеваем на себя маску либерального плюрализма, когда, мол, нам безразлично, что один—такой, другой—сякой. Идеологически это часто совершенно не имеет значения, ведь каждый имеет право жить так, как он хочет. Действительно, право имеет. Но ведь можно иметь право и не использовать это свое право. Человек имеет право на очень многое из того, что по-христиански ему совершенно не следует делать. Прости нас, Господи, что мы об этом забываем и в результате сами сходим с пути Божьего и других сталкиваем с него. Прости нас, Господи, за то, что все время мы одно делаем за счет другого, не умея служить нашим ближним не за счет других ближних. Есть люди, которые много помогают друзьям, но забывают про свой дом. Некоторые служат своим домашним, но забывают про Церковь. Некоторые начинают служить Церкви, но забывают служить родным. Прости нас, Господи, что у нас все разрывается и раскалывается в этом мире, разваливается. Прости нас, Господи, что мы часто не можем отличить подлинник от двойника, от фальшивки, от подделки. Прости нас, Господи, за то, что мы не стремимся к этому. Ведь Господь дает это каждому, кто просит Его. Прости нас, Господи, за то, что мы мало просим Тебя, мало на Тебя уповаем в действительной нашей жизни. Сталкиваясь с трудностями, мы в последнюю очередь вспоминаем о Тебе, или вспоминаем только тогда, когда нам становится ясно, что мы не можем справиться с тем или иным обстоятельством в своей жизни, как правило, только тогда, когда уже много воды утекло и много грехов соделано. Прости нас, Господи, что мы идем на компромисс и совершаем сознательные грехи против духа, против души, против ума, против чувств, против веры своей. Прости нас, Господи, что мы часто стилизуемся под общепринятые стереотипы духовной жизни, стереотипы благочестия, христианского быта. Прости нас, Господи, что мы несвободны в духе своем. Прости нас, Господи, что мы не уделяем достаточно внимания младшим, детям, больным, инвалидам, людям, страдающим явно или тайно. Иногда кажется, что если человек внешне страдает или внешне устает, то он в первую очередь нуждается в помощи. Мы не хотим думать о том, что бывают страдания, куда более глубокие, и труды, куда более тяжкие. Прости нас, Господи, за эту отстраненность. Прости нас, Господи, за то, что мы часто стараемся всех мерить только своей меркой, исходя только от себя как от единой системы отсчета. Этой главной точкой отсчета часто мы почитаем лишь самих себя, хотя хорошо знаем, что главная точка отсчета—в Боге, в Его правде. Прости нас, Господи, за это. Прости нас, Господи, за то, что мы, осуждая других, не умеем их по-настоящему простить, что мы иногда приходим к причастию без подготовки, не получив прощения и не простив всех, хотя знаем, что это необходимо делать каждый раз. Прости нас, Господи, за легкомыслие в духовной жизни, в храме, на церковной молитве. Прости нас, Господи, за то, что мы часто не вникаем в эту молитву, она проходит мимо наших ушей. Мы как бы привыкаем, смотрим на нее поверхностно, эстетически, так же как и на то, что находится в храме. Прости нас, Господи, за то, что мы часто не заботимся о том, чтобы иметь духовные уши, духовные очи. Прости нас, Господи, за то, что мы часто пренебрегаем своим наследием, которое должны передать другим. Мы не ревнуем о том, чтобы познать достояние Церкви, учение Церкви, учение святых отцов,

богослужение, ту истину, ради которой мы часто готовы спорить до хрипоты. Прости нас, Господи, за то, что мы часто пренебрегаем Божиим творением и миром, созданным Богом, пренебрегаем тем, что дал нам Господь,—умом, чувством, волей, духовными дарами. Часто становимся саморазрушающимися—мы разрушаем то, что нам дает Бог и как бы разбазариваем богатство, данное Богом. Прости нас, Господи, за то, что мы не умеем трудиться, за то, что мы не знаем места дисциплине в своей жизни, что мы часто спекулируем духовной свободой, отрицая всякую дисциплину. Хорошо было бы жить по свободе духа, превышая всякий закон. Но если мы объявляем свободу для того, чтобы нарушать закон, грешить, то мы—не в духе свободы. А мы очень часто это делаем и на работе, и с друзьями, и в церкви, в отношениях с церковью. Часто опаздываем на службу, уходим раньше без всяких на то оснований, считаем, что нам все позволено. Мол, я все могу, почему мне где-то немножко не выпить винца или пивка, или, может быть, где-то иногда покурить, или посудачить, «помыть косточки» другому, ближнему, или какому-нибудь архиерею, священнику, или нашим же ближайшим братьям, или родным? И при этом мы сами себя оправдываем, считаем, что в этом нет ничего плохого. Прости нас, Господи, за это злоупотребление христианской свободой. Прости нас, Господи, за то, что мы, не различая духов и не имея достаточно знаний и опыта духовного, часто свои очень незначительные знания, небольшой опыт готовы сделать единственным мерилom правды и истины. Прости нас, Господи, что мы бываем жестоки, равнодушны, холодны, похотливы, завистливы, жадны, сребролюбивы, честолюбивы, стремимся к господству над другими, даже над своими братьями во Христе, забывая, что тот выше, кто будет слугой другим, как сказал Господь. Прости нас, Господи, за то, что мы часто становимся служителями двух и более господ и из-за этого перенапрягаемся, истощаемся там, где этого совершенно не следует делать. Мы не бережем и не умножаем те дары, которые нам дал Господь. Вот, братья и сестры, пусть еще каждый из вас проверит себя, что осталось не названным, чтобы наша жизнь начала течь нормально. И сегодня снова мы говорим, в основном, о началах этой жизни. Поэтому сейчас, когда я буду давать разрешительную молитву, вы, слушая ее, старайтесь продолжить покаяние, чтобы ваш дух был направлен абсолютно точно к Господу и к ближнему. Когда есть покаяние, верное направление жизни, то, уверяю вас, безвыходных положений не будет ни у кого никогда. И все текущие проблемы вашей жизни решатся, решатся в самом Духе благодати. Помолимся!

8 сентября. Сретение Владимирской иконы Пресвятой Богородицы. Слово на утрене (Лк 24: 1-12—4-е воскресное Евангелие)

Братья и сестры! Каждый из нас думает, что он живет достаточно правильно, достаточно трезво, что глазами своими он видит то, что и есть на самом деле, ушами слышит то, что тоже на самом деле и есть. А вот Евангелие нам говорит, что иногда, причем в очень важных случаях нашей жизни, бывает по-другому, бывает так, что мы, слушая ушами, не слышим, смотря глазами, не видим. И это зависит от того духа, который в нас. Само по себе тело человеческое и душа человеческая еще не обеспечивают адекватности восприятия жизни и мира и понимания самих себя. Нечто подобное иногда происходило даже с апостолами и с женами-мироносицами, как вы сейчас слышали, когда они глазами смотрели и не видели, ушами слушали и не слышали, когда они искали живого среди мертвых. Но Господь воскрес, Господь явился ученикам! Он дал им заранее Духа Святого, такого Духа, Который их удостоверял в Истине Божией, потому что Воскресение Христово—это не просто факт человеческой истории. В человеческой истории этот факт прошел, как вы знаете, незаметно, а вот в метаистории, в нашей духовной жизни этот факт стал во главу угла. «Камень, который отвергли строители, сей стал во главу угла. Это—от Господа и дивно в очах наших». Христос воскрес, Христос явился ученикам! И мы приняли эту веру в вечную Жизнь, в Бога и Человека, Который спасает каждого из нас, Который соединяет нас в Церкви Своей, возрождая и спасая весь мир через Церковь Свою во славу Божию. Дорогие братья и сестры! Я хотел бы обратить

ваше внимание еще на одно обстоятельство. Очень интересно то, что праздник, который мы сегодня отмечаем, также называется праздником Сретения, т. е. Встречи. Но ведь можно было назвать его по-разному. Вот, есть факт спасения страны и града Москвы, спасения от врагов, от нашествия Тамерлана в 1395 г., от кровопролития. И само по себе это было бы уже замечательно и достойно памяти всех спасенных потомков. Но братья и сестры, наши предки были скромны и умны, и главное, они были настолько духовны, что видели за внешним глубинное, то невидимое, что раскрывается только перед очами веры. Они увидели в этом важнейшем историческом факте жизни нашего народа и государства прежде всего праздник в честь Владимирской иконы Божьей Матери, пред Которой молились, потому что не было больше другой надежды, никакая человеческая опора уже не работала, не действовала. И с тех пор здесь, в этом факте, духовный центр—Владимирская икона Божьей Матери. Люди русские увидели этот центр в самом факте встречи, как будто встретились не просто с иконой, а с Самой Пречистой Богородицей, и через Нее и в Ней—с Самим Господом нашим Иисусом Христом, Богом и Спасителем нашим. Вот эта-то встреча с Богом и стала центром празднества, которое мы сегодня с вами торжественно совершаем. Братья и сестры, обратите на это внимание! Как только что я говорил, видимое внешними очами часто не соответствует видимому очами духовными. И здесь то же самое. Когда вы идете в храм в эти дни празднования в честь Сретения Владимирской иконы Божьей Матери, всегда спрашивайте себя: куда вы идете, зачем идете, что вы прославляете или, еще лучше, Кого вы славите? Этой-то встрече с Богом через явление Пречистой, в Ее образе и посвящен сегодняшней праздник. Вот эта встреча пусть произойдет и сегодня в сердце каждого и в едином сердце Церкви Христовой. Пусть эта встреча произойдет еще и на Евхаристии, и еще, и еще, и еще. И пусть не прекращается эта благодать, вечная благодать встречи и общения с Богом, поиска Бога и Его обретения. Мы с вами счастливые люди, братья и сестры. Все здесь присутствующие могут сказать: «Я нашел! Я нашел Того, Кого искал, о Ком говорили пророки, я нашел в Нем Бога». Но мы должны помнить: если кто-то и нашел Бога, тем более надо ему искать Его дальше, чтобы никогда, ни на минуту не потерять Его, ибо потеря эта бывает невозможной. Никогда ведь не знаешь, если что-то потерял, найдешь это снова или нет. Братья и сестры, вот к чему мы призваны сегодня, и да сохранит нас в этой благодати общения с Богом, с Церковью, с Пречистой, со святыми, со всем миром Божиим Господь наш! Аминь.

Слово на литургии (2 Кор 4: 6-15, Мф 22: 35-46; Флп 2: 5-11, Лк 10: 38-42, 11: 27-28)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Братья и сестры, христиане! Сейчас, когда мы слышали первое Евангелие, от Матфея, мы сразу, конечно, вспомнили те слова, которые положены в основу всего этого отрывка. Здесь Сам Господь говорит о том, какая заповедь наибольшая в законе. Сам Господь, суммировав все, что было в законе, сказал: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею, и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя». Мы привыкли с вами к тому, братья и сестры, что именно в этих словах заключается одно из высших, самых полных и лучших выражений всей новозаветной жизни, жизни во Христе, жизни в Церкви, в общении святых и в первую очередь, с Божьей Матерью. Но вот, братья и сестры, сегодня, ублажая Божью Матерь, я бы хотел обратить ваше внимание на следующие слова Господа, которые Он добавил к этим. «На сих двух заповедях,—сказал Господь,—утверждается весь закон и пророки». То, что на этом утверждается весь закон, нам более или менее уже понятно. Мы знаем, что если человек сделает то, что сказано в этих двух заповедях, то он исполнит весь закон. Действительно, он может поступать как угодно, но закона Божьего он не переступит. Так и святые отцы говорили: «Люби Бога своего и поступай как хочешь». Здесь вся трудность—лишь в самой этой любви к Богу и ближнему, в такой любви, о которой сказал Господь. Но сейчас я хотел бы еще более обратить ваше внимание на последние слова, сказанные здесь Господом. Он сказал не только о том, что на этих двух

заповедях утверждается весь закон. Он сказал, что на них утверждаются и все пророки. Вот это уже бывает нам мало понятно, братья и сестры, потому что, во-первых, мы плохо знаем пророков, а во-вторых, мы просто не думаем об этом, к сожалению. Но ведь действительно как закон исполняется во Христе, как Христос исполнил его на Кресте, так во Христе исполнились и утвердились все пророки, которые о Нем свидетельствовали. Мы привыкли говорить, о тех двух заповедях, что они замечательны, что мы принимаем их всем сердцем, но только вот исполнить их, к сожалению, никто почему-то не может. Так вот, вся тайна именно в том, что мы вольно или невольно воспринимаем эти заповеди только в плане закона, услышав одно слово Христа о нем, но и не услышав другого—о пророках. Если бы мы жили во Христе, если бы действительно познали, «чей Он Сын», если бы познали то, что «будут положены все враги Его к подножию ног Его», то мы бы исполняли заповеди Христовы. Братья и сестры, воистину, приняв благодать Христову, мы утверждаемся не только на законе, пусть даже и высшем, и лучшем, и исполненном любви, но мы исполняем и пророков. Если мы с вами принимаем в сердце свое Христа, тогда становится возможным исполнение двух заповедей о любви. Некоторые говорят: «Но ведь Христос повторил о любви к Богу и ближнему лишь то, что уже было в Ветхом завете, просто она стояла там не в центре, а Христос поставил ее в центр». Это правда и неправда, дорогие братья и сестры. Правда лишь то, что слова эти там были. Но их невозможно было исполнить без Христа и до Христа. Они были как некий прообраз, как призыв, в то время еще неисполнимый. Поэтому нельзя сказать, что Христос просто повторил эти заповеди. На самом деле Он дал новую заповедь, как и в другом месте Писания говорится: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга». Мы должны действительно исполниться Христом, наше сердце должно раскрыться настолько, чтобы никому не стало в нем тесно, подобно тому, как Господь на кресте распротер руки Свои для принятия в объятия Свои всех. Братья и сестры, будем помнить, что и закон, и пророки исполняются и утверждаются только во Христе, и только во Христе становятся для нас актуальными и возможными для исполнения, пусть и в разную меру, те две заповеди, о которых напомнил нам Господь, та Его двуединая заповедь о любви. Пусть же примером такой любви ко Христу, примером такого исполнения в жизни, на освященной земле этих заповедей будут все святые, Божия Матерь, вся Церковь, а значит, и мы, поскольку мы с вами ей причастны! Аминь.

Слово после литургии

Удивительное дело, братья и сестры: вы все здесь люди очень занятые, и ни у кого нет лишних пяти минут на что-то пустое, но в храме мы проводим несколько часов подряд, полдня, а может быть, даже и больше. И никогда, наверное, мы об этом еще не пожалели. Удивительным образом оказывается, что без этого нашего церковного общения друг с другом, с Господом, с Церковью небесной и Церковью земной все наши труды и заботы остались бы в большой степени тщетными и даже стали бы суетными. Братья и сестры, мы, конечно, желали бы всегда быть в таком общении, как на небесах, но мы знаем, как молился Господь за учеников Своих: «Не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла». И мы с вами не должны быть изъяты из этого мира. Нам надлежит служить нашим ближним, служить в этом мире, быть достойными членами Церкви, которая в мире сем, но не от мира сего. Это служение принадлежит каждому верующему христианину. И мы не имеем права, несмотря на все трудности такого служения, от него отходить, от него отвращаться, не имеем права жалеть времени, думать, что оно потеряно, когда мы посещаем больного, когда мы помогаем человеку подняться после какого-нибудь, быть может, греховного падения, мысленного, чувственного, телесного или духовного. Братья и сестры, мы с вами стараемся поддержать друг друга. И в этом огромное значение имеет храм. Нам совсем не безразлично, каким является наш храм. Вы видите, что пока так много неустроенного у нас, мы служим еще меньше года здесь. Но тем не менее мы с вами стремимся этот храм украшать, украшать прежде всего благодатными

сердцами и всем тем, что исходит из этих сердец. Нам надлежит в этом мире устраивать церковную жизнь. В связи с этим я хочу вам сказать, что у нас на следующей неделе, во вторник, будет великая вечерня, после которой о. Михаил Фортунато из Лондона (вы помните, он у нас служил) даст своеобразный урок пения без нот. С пением у нас пока слабо, поэтому, я думаю, для многих было бы интересно и полезно хотя бы прийти послушать. В среду же утром на Усекновение будет литургия и панихида, а в четверг—утреня, так как это день памяти свв. Александра Невского и Даниила Московского. У нас много Наталий, и сегодня при совпадении нескольких праздников им мало что досталось в богослужебном плане. Но все же я поздравляю всех именинниц, а если найдутся Адрианы, то и их тоже. Вот так же, наверное, много именинников будет и в четверг на Александра Невского и Даниила Московского. В субботу, как всегда будет утреня, а в три часа—Приходское собрание. Хочу обратить ваше внимание на это—как членов Приходского собрания, так и тех, кто собирается ими стать. Многие приходили и спрашивали об этом. Кто из вас еще не взял бланк прошения на благословение, тот может подойти после службы или в любой другой день и взять этот бланк у меня. На нашем Приходском собрании будут обсуждаться очень важные, очень серьезные вопросы, можно даже сказать судьбоносные вопросы, и может быть не только для нашего прихода. Вечером в субботу после собрания будет великая вечерня и исповедь. Да, я забыл сообщить, что во вторник вечером перед уроком о. Михаила тоже будет краткая исповедь. Но тем, кто исповедовался и причащался сегодня и не совершит, Бог даст, никаких больших грехов до вторника или до среды, тем, конечно, не надо будет идти на эту исповедь, ну а остальным, конечно, придти надо. В воскресенье в 9 часов, как обычно,—литургия. А завтра вечером, в понедельник, в ДК ЗВИ начинается новый годовой цикл лекций по христианской этике и эстетике, который мы ведем с А.М. Копировским. Вы можете здесь приобрести билеты и абонементы. Сейчас мы с вами, так как сегодня наш главный храмовый праздник, совершим крестный ход вокруг храма. Когда-то таким крестным ходом шли до Кремля, до Успенского собора Кремля, с Владимирской иконой Божьей Матери. Сейчас пока что это невозможно, но мы все-таки крестным ходом пойдем.

: Вторая открытая (миссионерская) встреча в Огласительном училище при МВПХШ (февраль 1994 года)

Миссионерство и катехизация

Вступительное слово о. Георгия Кочеткова

Для того, чтобы подойти к подлинному значению христианских понятий в жизни, нужно большое усилие и, главное, живое свидетельство изнутри, не книжное, не понаслышке, не по радио. Такие свидетельства в прошлый раз были вам предложены, и именно после этого мы говорили о том, что те, кто не чувствует внутри диссонанса, при желании могут продолжать этот духовный путь.

Христианство само по себе есть духовный путь. Христос говорит: “Я есть путь и истина и жизнь”. И мы говорим, что если кто-то хочет еще продолжать искать, если кто-то еще не может сказать, что он нашел, то это дело благородное и всегда возможное для человека. Но те, кто не только ищет, а уже может в сердце своем сказать: да, я Бога обретаю, я уже нашел ту благодать, которую искал, и тот путь, который искал, хотя еще и не знаю, что впереди, тот может сделать дерзновенный, смелый шаг, с одной стороны, в эту неизвестность духовной

жизни, а с другой, именно на тот путь, направление которого было задано.

В прошлый раз во второй части встречи я отвечал на ваши вопросы и думаю, что, наверное, вопросов осталось у вас еще довольно много. Это совершенно естественно, потому что здесь только взрослые люди, и конечно, у каждого за плечами свой пройденный уже путь, и радостный, и печальный, здесь и удачи, и неудачи, которые не только разрешают вопросы, но и ставят их.

Не так легко найти убедительные ответы на эти вопросы, и мы хотели бы это делать вместе с вами. Прежде чем мы сможем начать собственно путь оглашения, т. е. последовательного научения христианской вере и жизни, мы проведем сегодняшнюю встречу и потом еще одну, которая будет в храме, где, в частности, я расскажу о том, какими пособиями вам нужно будет пользоваться на оглашении, я назову необходимый минимум книг, и тогда же мы более подробно поговорим о том, что такое оглашение.

Сегодня же я хотел бы, во-первых, ответить на ваши вопросы, снять какие-то “зажимы”, явные и менее явные, психологические, духовные, жизненные, которые, может быть, вам мешают сделать выбор, сделать самый важный шаг в жизни, и сказать себе: да, я хочу быть христианином, я хочу быть членом Церкви не просто как организации, не просто членом какого-то прихода, а Церкви как живого духовного организма, и видимого, и невидимого одновременно, как организма Богочеловеческого, где в полноте присутствует Бог и где в полноте лично присутствует человек.

Пожалуйста, задавайте вопросы. Я надеюсь, что мы сохраним тот дух открытости, который был установлен в прошлый раз.

Вопрос. У меня есть один очень важный вопрос, на который я не могу найти ответа в течение многих лет ни у священнослужителей, ни в литературе. Представим себе такую ситуацию: больничная палата, где умирают трое -- буддист, мусульманин и православный христианин. И все трое искренне исповедуют свою веру. Какой будет посмертная судьба каждого из них, и есть ли какие-то преимущества у православного христианина?

о. Георгий. Бог мне не дал полномочий однозначно судить о посмертной участи конкретно кого бы то ни было. Мы с вами в прошлый раз говорили, что христианство -- это путь богооткровенный, а не путь, открытый мудрецами, философами, или просто людьми достойными, культурными, духовными. Это путь, открытый Богом как путь прямой.

Утверждая это, Церковь не говорит о том, что у Бога нет других путей к спасению, к вечной жизни. Но Церковь внешних не судит. “Внешних судит Бог”. В Писании сказано, что если язычник, в данном случае буддист (а мусульмане, как и иудеи, -- не язычники), живет по совести, то и спросится с него по ее законам, насколько он исполнял требования, внутренние императивы своей совести. Совесть -- главное проявление образа Божьего в человеке, и поэтому у нас всегда есть надежда. Ведь и Писание говорит, что Бог хочет спасения всем, чтобы все пришли к познанию истины. И мы должны говорить и думать об этом со всей серьезностью.

Другое дело, что мы не можем дать ответ на вопрос, как происходит это с каждым человеком. Жизнь каждого человека -- уникальное явление. И только Бог может ответить на Ваш вопрос.

И слава Богу, мы еще знаем, что “кому больше дано, с того больше и спрашивается”. А дано всем разное. У нас есть серьезные основания для убежденности в том, что мусульманин имеет преимущество перед буддистом по самому характеру своей веры, поскольку в исламе есть

совершенно четкое понятие о Боге, Боге откровения, Боге живом, Боге Авраама, Исаака и Иакова. И вера именно в Этого Бога, в Того же, в Кого верят иудеи, в Кого верят и все христиане, независимо от конфессий, и сектанты, и не сектанты, и католики, и протестанты, и православные, имеет и дает человеку явное преимущество, ибо она дает возможность не только жить нравственной жизнью, которая доступна каждому человеку в силу того, что у него есть совесть, но и нечто гораздо большее. Далее, я думаю, что христианин имеет преимущество перед мусульманином, хотя Бог один для всех нас. Но мы, православные христиане, убеждены еще и в том, что внутри христианства православие указывает самый прямой путь. При всех искушениях, при всех проблемах, которые есть в православии, мы этот путь считаем самым прямым, и дающим более всего.

Но в том-то и мудрость Евангелия, повторяю, что оно предупреждает: кому больше всего дано, с того больше всего и спрашивается. Поэтому если православный человек скажет: то, как я живу и поступаю, ничем не хуже поведения мусульманина или буддиста, -- то Бог спросит его: и это все? Так-то ты воспользовался своим преимуществом? Тебе было много дано, тебе было дано наследие, и что же ты сделал? Язычник работал, проводя свои дни в неустанных трудах, из малого он сделал многое, ты же из многого сделал малое!

Поэтому, хотя мы и призываем каждого человека идти самым прямым путем, мы никогда не утверждаем, что спасается только человек, вставший на этот самый прямой путь. Мы не смеем и не можем так говорить. Это противоречило бы смыслу и духу Священного писания Нового Завета, что для нас важно. Поэтому, указывая самый прямой путь самим себе и делаясь этим опытом с другими людьми, свидетельствуя о нем, неся это живое свидетельство, мы сразу предупреждаем: христианство никогда не может быть сведено ни к какому набору внешних форм и правил. Христианство не дает никаких внешних гарантий. Все его гарантии сугубо внутренние, они внутри самого человека. Если имеет человек благодать, т. е. дар Любви от Бога, значит он принят Богом! Даже в том случае, когда в жизни его есть какие-то неудачи.

А такие неудачи, грехи, увы, есть у каждого. Не будем думать, что у христианина их нет и что все грешники -- не христиане. Хотя разумеется, что грехи грехам -- рознь. И это важно знать. Нельзя нам говорить: все, мол, грешны, а коли так, то безразлично, кем быть, куда тебя принесло -- тем и будь. Не случайно в Евангелии сказано, что "Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его". Это крайне важно для каждого из нас.

Итак, нам нужно это усилие, и нам необходимо помнить, что с нас спрос будет особый, ибо мы должны еще нести свидетельство всем людям.

Христианство было таким свидетельством. Кто из вас лучше знает историю, вспомните, что было две тысячи лет назад, в самом начале христианства, хотя бы в том регионе, где оно возникло? И что стало потом? Вспомните! Сейчас мы с полным основанием говорим о том, что общечеловеческие ценности, на которые так любят ссылаться люди нашего времени, причем именно для того, чтобы как бы забыть о христианстве, в огромной степени сформировались под влиянием христианства. А ведь далеко не все ценности, которые ныне мы считаем общечеловеческими, т. е. признанными не только христианами, но и людьми различного вероисповедания, философских взглядов и практических интересов, всегда были очевидны для большинства людей.

Да, в христианстве есть такие ценности, которые еще не стали общечеловеческими, это правда. Не будем желаемое выдавать за действительное. Например, заповедь "люби врага своего" еще не вошла в фонд общечеловеческих ценностей и осталась задачей чисто христианской, ибо любовь только в понимании христианства -- универсальный принцип жизни человека. Как, спрашивают некоторые, верить в то, что можно победить зло добром и Любовью? Но в этом

даре Любви -- вся специфика христианства, хотя все ближе и ближе лучшие люди земли подходят к этому рубежу, и это очень радостно. Но вы знаете, что в мире сем есть и иные тенденции. Не будем обманываться и во всем постараемся сохранять трезвость.

Чисто христианские принципы изначально уже как бы обладали качеством общечеловеческих. Например, "золотое правило этики" -- "поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой", -- оно есть в Евангелии, но оно есть и во всех религиях и нравственных учениях. Во всех! Не только в исламе и иудаизме. Конфуцианство, даосизм, буддизм также содержат это правило. И в этом есть прямое свидетельство того, что совесть есть некий единый спасающий голос для каждого человека. Это его шанс. Это очень важно. На него мы сейчас и опираемся.

Пожалуйста, еще вопросы. Я заметил, что в уже поданных записках вы спрашиваете о том, как соотносится христианство с другими религиями. Это неудивительно. Если еще несколько лет назад, когда мы проводили такие же встречи, подобных вопросов почти не было, и только немногие теософы двигались в своих мыслях в этом направлении, то сейчас таких вопросов большинство. Все, о чем прежде знали только понаслышке, стало теперь всем доступно. Вы об этом всюду слышите, читаете, и вам хочется разобраться. При этом всем стало ясно, что разбираться сознательно, на глубоком уровне, который требует профессионализма, уже невозможно. Сейчас только недалекий человек думает: вот, давай-ка я сам разберусь сначала во всех верах, во всех практиках, а потом выберу. Такая иллюзия была возможна несколько лет назад. Даже некоторые родители вполне сознательно, хотя и неразумно, оставляли на произвол духовную судьбу своих детей. Дескать, вырастут -- разберутся сами. В этом была лишь доля истины.

Действительно, человек должен сам приложить усилия к тому, чтобы встать на духовный путь. Но в этом только доля истины -- не более. Тот, кто размышлял об этом, знает, что невозможно пройти этот путь до конца, невозможно человеку самому разобраться во всех учениях, тем более узнать их изнутри и потом выбрать хорошее. Это невозможно, не только потому, что таких учений много и не хватит целой жизни, но еще и потому, что каждая религия, каждое учение дает что-то хорошее.

Нельзя утверждать, что в традиционных религиях и учениях, которые проверены веками их существования и как-то признаны человечеством, ничего доброго нет, или что это их добро только иллюзия. Это не так. Люди не такие олухи, чтобы какой-то обманщик мог надолго увлечь их. Это лишь "просвещенные" французы в XVIII веке и им подобные думали, что те, кто увлекал за собой людей в свою религию, были величайшими обманщиками, которые действовали во имя интересов господствующих классов, или чего-то еще в этом роде. От этих теорий давно отказались.

Слава Богу, люди поняли, что не все так просто. Каждая религия построена на реальном опыте. И мы говорили в прошлый раз, что также и христианство целиком построено на опыте. В христианстве все можно проверить. Все! Догматы проверяются опытом человека. Только это далеко не просто, ибо это уже очень большая глубина проникновения. Истинность таинств, истинность догматов, если к ним не подходить внешне, механически, формально, лишь в соответствии с формулами и формами, проверяется людьми на личном опыте. Но для этого, а тем более для сравнений, нужно прежде всего очень многое вместить и пережить.

Итак, чтобы сравнивать, необходимо иметь хотя бы одну точку отсчета. Если мы берем за точку отсчета христианство, то христианство надо знать. Но мы и собрались с вами для того, чтобы узнать его, а не для того, чтобы, не зная христианства, давать относительно его какие-то оценки другим учениям, религиям и практикам.

Вопрос. Как Вы относитесь к реинкарнации?

о. Георгий. Это модное учение. Не то, чтобы оно было очень новым, но модное. Христианство относится к реинкарнации достаточно сдержанно, в принципе не признавая это учение, считая его упрощением. Жизнь гораздо сложнее.

Есть в этом учении своя доля смысла. Но, повторяю, жизнь сложнее и противоречивее. Да, у людей есть связь с прошлым. В человеке заложена и связь с будущим, но теорией реинкарнации все это не покрывается, так же как не покрывается одной только генетикой, например.

Вопрос. В чем у о. Александра Меня были разногласия с церковью?

о. Георгий. С церковью у него разногласий не было, потому что церковь никогда не высказывалась по этому поводу. Некоторые мнения о. Александра Меня не принимались и не принимаются. Но у каждого человека есть такие мнения, и какие-то мнения святых отцов тоже когда-то не принимались. Да, некоторые идеи о. Александра относительно устройства церкви, особенно в национальном аспекте, а также идеи по поводу отношения к великой западной традиции, прежде всего к католической, могут показаться спорными. Здесь отдельные вещи, может быть, излишне упрощались о. Александром. Но это не было сферой его деятельности, не в этом проявлялся его дар, его талант. У него были на этот счет свои мысли, и слава Богу. В чем-то и он ошибался. Ну и что из этого?

В связи с этим я хотел бы сказать следующее. Церковь вообще не стремится высказываться по поводу отдельных людей, производя суд. Только в том случае, когда чье-то учение действительно вредно для церкви, является по сути лжеучением, а его создатель на этом учении настаивает, только тогда она выносит свое отрицательное суждение. Что касается о. Александра, то здесь ничего подобного не было. Более того, некоторые наши иерархи поддерживают его. Проводятся ежегодные Меньевские конференции, и митрополит Крутицкий постоянно на них присутствует.

А когда в Троице-Сергиевой лавре вышла книга, жестко осуждающая как ересь все то, что сделал о. Александр, было заявлено, что ее критический пафос не совпадает с мнением Московской патриархии.

Для одних людей о. Александр стал как бы одиозной фигурой, для других, наоборот, это единственный духовный авторитет в современной жизни. Наверное, история внесет коррективы и в ту, и в другую позицию.

Вопрос. Почему каждая религия утверждает, что она лучше других?

о. Георгий. Если человек придерживается какой-то веры, а мы говорили, что эта вера не возникает на пустом месте, и она человеку дала что-то доброе, хорошее, если человек ощущает, что он стал духовнее, чем был прежде, и понимает это как духовный рост, духовное продвижение, то естественно, он защищает свою веру. И слава Богу! Если бы человек не защищал ее, это означало бы, что ничего доброго эта вера ему не дала. В Апокалипсисе Иоанна Богослова есть одно замечательное место: "О, если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тепл, а не холоден, и не горяч, то извергну тебя из уст Моих".

Теплохладность, равнодушие -- это самое страшное. И бывает даже не так страшно быть холодным, т. е. противостоять огню Божьему. В начале своей жизни апостол Павел, как известно, гнал Церковь Божию, и гнал ее очень жестоко, за что потом называл себя извергом,

недоноском. Но именно в силу того, что он был ревнителем отеческих преданий, Бог открылся ему и скорректировал его жизнь.

К сожалению, в силу внешних и внутренних обстоятельств не все взыскующие духовного роста в пределах своей земной жизни приходят в Церковь, приходят именно ко Христу. Но как мы об этом уже говорили, есть и другие критерии Божьего суда.

Вопрос. Почему надо исповедоваться священнику, а не прямо Богу?

о. Георгий. Кто это Вам сказал? Если человек не исповедуется Богу, то исповедуйся он хоть сотне священников одновременно — толку никакого не будет. Священник никогда не может заменить собой Бога. Он и не посредник в Церкви. Писание нам говорит: “Один посредник между Богом и человеком, человек Христос Иисус”. Это очень важно. Только здесь следует оговориться. Задумаемся над словом “исповедаться”. Что оно означает? “Исповедь” означает “признание”. Но то духовное действие, ради которого и совершается это “признание”, называется покаянием. Покаяние есть нечто гораздо более глубокое. Формой покаяния и является исповедь. Подумайте еще об этом.

Вопрос. Как известно, многие болезни передаются по наследству, но дети безгрешны. Значит ли это, что дети отвечают за грехи родителей?

о. Георгий. Да, это так. И нашим современникам это слишком хорошо известно. Много происходит с детьми по грехам родителей. Дети не виноваты. Эта тема — продолжение того, о чем мы только что говорили: гибель невинных младенцев и так далее. Аборты — это ли не гибель невинных младенцев? Кто делает аборт? Бог делает аборт? А не папа с мамой? Папа настаивает, мама исполняет, или наоборот...

Вопрос. Почему женщина в церкви считается как бы существом второго сорта? Например, она не допускается в алтарь или в определенный “биологический день” ее не допускают на службу? Ведь Бог и создал ее с такой физиологией.

о. Георгий. Резонно. Мне кажется, что женщина не должна считаться человеком второго сорта нигде, в том числе и в церкви, просто у всех есть свое место и свое служение. Те из вас, кто знает церковную жизнь немножко лучше, помнят, что почти в каждом храме при алтаре есть женщина. Женщины не предостоят пред престолом, не приносят от имени Церкви молитв, они делают что-то свое. В древности таких женских служений, в том числе при алтаре, было значительно больше. Были так называемые диакониссы, которые и причащались у престола, как священнослужители. Были даже пресвитериды, которые вплоть до IV века возглавляли женские молитвенные собрания, в особенности ночные, поскольку мужчинам не всегда было удобно на них присутствовать, во избежание каких-то наветов на Церковь. Так что вопрос о женщинах сложный. Уверяю вас, что все, что делает женщину человеком второго сорта, в церкви берется под вопрос, под подозрение. Это касается и физиологической стороны. В Ветхом завете сказано, что женщина в эти периоды не чиста. А в Новом завете говорится, что нечистота человека зависит от того, что в сердце его. “Изнутри, из сердца исходят, — как говорит нам Евангелие, — злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лихоимства, злобечия со всякой злобой и так далее, вот это оскверняет человека”. Правда, потом произошли как бы некие сдвиги, и что-то вернулось из Ветхого завета в Новый. Но это вопрос очень сложный. Сейчас об этом думают и приходят, скорее, к тому, что в церкви эти ветхозаветные отзвуки не оправданы.

Вопрос. В Пятикнижии Моисея, в книге Чисел, при рассуждении о чистых и нечистых животных говорится, что свинья и заяц являются нечистыми для человека. Поясните, как это

по нимать. В чем заключается нечистота животных? Можно ли есть свинину христианину?

о. Георгий. Да. И зайчатину, надо добавить. Я думаю, что сейчас это не очень актуальный вопрос, поэтому, может быть, мы не будем терять на него время. Здесь есть свои нюансы, для этого надо знать Писание, я не уверен, что все достаточно хорошо его знают. Автор же этой записки, если он хочет и если надо, может потом подойти ко мне.

Вопрос. Когда в жизни возникают искушающие обстоятельства, нужно немедленно уходить от них или пытаться выстоять и окрепнуть?

о. Георгий. Надо исходить из того, есть ли у человека силы для борьбы. Если нет сил сопротивляться этим искушениям, то надо уходить. Человек, духовно более сильный, может сражаться с искушениями и не бояться их, и тогда он действительно еще более окрепнет. Но все-таки надо трезво оценивать свои возможности. Не надо лезть в бой тогда, когда нет сил. Иначе эта мясорубка может “съесть” человека. В житиях святых очень много любопытных примеров по этому поводу. Юродивые, например, попадали в обстоятельства, которые были совершенно невозможны для простого человека, и не искушались, а укреплялись сами и назидали других.

Вопрос. Отец Георгий, что представляет собой Царство Небесное? Как относиться к словам Апокалипсиса о Небесном Иерусалиме, о Царствии Иисуса на земле, о восхищении на небо праведников?

о. Георгий. Я думаю, что всякий, кто читал Евангелие, знает, что представляет собой Царство Небесное. Прежде всего, надо вспомнить о главной ассоциации, которую дает нам Евангелие, — Царство Небесное воспринимается человеком как брачный пир. Это самая важная аналогия в Священном писании. Есть там и другие аналогии, есть и замечательные притчи. Особенно в Евангелии от Луки они подобраны удивительно тонко. Читайте, я не буду вам их сейчас пересказывать. Вообще же заданный вопрос как бы предполагает, что я на минутку сейчас спустился прямо из Царства Небесного, чтобы рассказать вам, что там и как. Вы сами об этом немного подумайте, читая Евангелие. Ведь там множество притч: Царство Небесное подобно неводу, в который собирают большую рыбу, Царство Небесное подобно закваске, доброму семени и так далее. Есть прекрасный набор притч о Царстве Небесном. Но повторяю, не забудьте, что главным в них остается откровение Небесного Царства как “правды, мира и радости во Святом Духе”. Об этом писал апостол Павел. Об остальном же пока говорить рановато...

Вопрос. Человек своими мыслями сам строит свою судьбу, так ли это? И если так, то верно ли, что дурные, грешные мысли намного опаснее для духовного развития, нежели плохие, грешные поступки?

о. Георгий. Все плохое и грешное опасно. Не будем пред собою здесь лукавить. Если человек прикасается к дурному и грешному, то это плохо. Вообще-то говоря, церковь считает более тяжелым грехом скорее дело, чем мысль, но при этом очень сближает эти вещи. Помните, в знаменитой Нагорной проповеди из Евангелия от Матфея говорится, что если человек даже посмотрит на женщину с вожделением, то “он уже прелюбодействовал с нею в сердце своем” и несет за это ответственность так же, как и прелюбодей. И это сказано не случайно. Эти слова, конечно же, следует правильно понимать. Но их никак не выбросить из Евангелия, где утверждается, что из сердца, изнутри исходит всякое зло, которое оскверняет человека. Мысль — это одна из глубин человеческого бытия. Не только мысль, разумеется, но и мысль тоже. Изнутри человека рождается то, что ведет его к преступлению, ко всякому злу. Известны случаи, когда человек даже и не сделал дурного дела, но настолько ему внутренне предался,

что он действительно несколько не лучше того, кто это зло совершил.

Вопрос. Сегодня по телевидению был задан вопрос: почему Бог создал сатану? Правильно ли сформулирован вопрос, и как бы Вы на него ответили?

о. Георгий. Господи, помилуй! Есть очень важная церковная формула: “Бог зла не творит”. А сатана и есть “интегральное мировое зло”.

Вопрос. С точки зрения христианства, являются ли грехом желание знать свое будущее, гадания, предсказания и так далее? Ведь это спасает от отчаяния, дает шанс поверить в себя. Что, с точки зрения Библии, является большим грехом — гадание или отчаяние?

о. Георгий. Они друг друга стоят. И то и другое — грех смертный, т. е. в принципе убивающий человека. И отчаяние стоит в списке смертных грехов, и ворожба, гадание. С.С. Аверинцев великолепно однажды написал, что сатана нам дает выбирать из двух вещей, но и ту, и другую предлагает именно он! Так и здесь — или ворожба, или отчаяние. Но и то, и другое — от сатаны. Надо сказать, что как раз ворожба и желание знать свое будущее механически или магически приводят людей к отчаянию, даже если эти предсказания не такие уж мрачные. Почему к отчаянию? Потому что человек чувствует себя пешкой. Помните, в прошлый раз мы слышали прекрасное свидетельство одной из наших сестер, Татьяны, она об этом говорила. Что же есть человек: пешка или не пешка? Если все заложено в его генах, обусловлено обстоятельствами, то все можно предсказать. Если человек — пешка, то нечего ему и говорить о духовной жизни. Нет никакой духовной жизни. Есть жесткая необходимость, и никакой свободы нет. А если есть необходимость, тогда свобода — только осознанная необходимость, о чем нам так долго твердили большевики, украв, как обычно, эту мысль у немецких идеалистов и вырвав ее из контекста. Но это не так. Все совершенно иначе, когда человек действительно находит свободу и источник свободы. Такой источник существует, и он есть Бог. И нам с вами нужно знать Бога, затем, чтобы обрести Свободу. Чем дальше человек от Бога, тем дальше он от Свободы. Он тогда действительно запрограммирован и генетикой, и социумом, и различными обстоятельствами. И это страшно. Но человек-то думает обратное. Ему кажется, что он может поступить так, а может иначе, например, что он может выбрать, какую одежду ему носить и т. д. Но еще раз напоминаю о рассказе Татьяны в прошлый раз, когда близнецы, разлученные с самого раннего детства, встретились, и у сестер было все одинаковое, вплоть до семи колец на пальцах. Современная психология очень много нам здесь открыла. Хотя, конечно, психология занимается патологией, но она и предупреждает нас об этой патологии. Я думаю, самое ценное, что есть в христианстве, это именно дух Свободы. “Где Дух Господень, — говорит нам Священное писание, — там Свобода”. И об этом может засвидетельствовать всякий христианин. Действительно, удержаться в духе свободы бывает трудно, но это уже другой вопрос.

Вопрос. Как относится христианство к психологии как науке о человеке, ведь эта наука “залезает” внутрь человека и, помимо всего прочего, учит людей “играть”?

о. Георгий. Не только “играть”, к сожалению. Христианство не выражало единого мнения по этому поводу, но я могу сказать из своего опыта, соотнесенного не только лично со мной, что психология, как и педагогика, действительно не может подменить собою веру, и все, что психология говорит, как бы объясняя веру, это всегда вокруг да около веры и человека, и никогда не является ответом на эти вопросы. Об этом необходимо сказать, потому что современные люди очень верят в психологию и в педагогику. Но и та, и другая занимаются патологиями, и сами не знают, где норма. Практически все или почти все современные психологи и педагоги знают очень много, но только о патологиях, и выдают их за нормы. В этом их страшная ложь. Это необходимо знать, ибо это очень серьезный вопрос.

Вопрос. Можно ли отпевать в церкви человека, покончившего с собой?

о. Георгий. Я думаю, что лучше об этом поговорить лично с человеком, который написал эту записку, потому что здесь тоже есть определенные нюансы. В принципе же церковь всячески предостерегает против такого греха, как самоубийство, потому что этот грех является свидетельством отчаяния, которое по-существу уже есть отрицание Бога, отрицание самой возможности помощи Божией. Человек, отчаявшийся в том, что Бог может изменить тяжелую ситуацию, в которую он попал, думает, что надо просто механически разрешить ее. Но это нам не заповедано! Поэтому церковь всегда запрещала молиться за самоубийцу и погребать его по-христиански. Впрочем, и при этом не отрицалась возможность частной молитвы за такого человека. Если у кого-то из верующих близкий человек наложил на себя руки, то им надлежит знать, что личная молитва за него никогда не запрещалась. Запрещалась лишь церковная молитва. Но иногда и здесь делались и делаются исключения. Если, например, самоубийца находился в состоянии аффекта, т. е. не отвечал за себя. Если он был болен психически, тогда епископом разрешается христианское погребение. Это тоже надо знать, потому что иногда люди, знающие главное, — что церковь против самоубийства и поэтому не поминает самоубийц, забывают о таких исключениях. А в наше время такие исключения составляют, наверное, большинство случаев самоубийств.

Вопрос. Почему некоторые “ортодоксальные” православные говорят о крестившихся евреях как об отрицательном явлении для православия?

о. Георгий. Мне до сих пор везло в жизни: я редко встречался с православными, которые резко отрицательно отзывались о крещеных евреях, хотя знаю, что такие околоцерковные круги существуют. Мне чаще приходилось слышать подобные разговоры в еврейской среде, но там это — идеологема защитного свойства, цель которой защитить свою общину от прозелитизма. Она была распространена в средние века, когда оказывалось давление на иудейские общины. Тогда был создан своего рода защитный аппарат, и он работал. Сейчас же он работает значительно хуже, поскольку во всех странах, не только в России, евреев-христиан очень много. Против этого воссоздаются достаточно серьезные защитные механизмы в Израиле, и там евреям-христианам живется очень туго. Это, к большому сожалению, приходится констатировать. Но и в православии есть круги фундаменталистские, националистические, которые называют себя православными и при этом вообще не доверяют искренности обращения евреев к вере и Церкви. Это тоже ничем не оправдано. Это такой же смертный грех, и как правило, он свидетельствует только о том, что человек сам христианства-то еще не знает. Я имею в виду тех, кто готов делить людей в церкви по национальному признаку.

Вопрос. Мой муж — католик, я — православная, мы не венчаны, живем десять лет, имеем ребенка. Можем ли мы обвенчаться, не меняя церквей?

о. Георгий. Да, можете.

Вопрос. Какие иконы должны быть в доме?

о. Георгий. Те, что трогают ваше сердце, и те, которые вам Господь послал. Но только это должны быть именно иконы, а не раскрашенные бумажки и доски.

Вопрос. Если по наследству передают крестильный крест от бабушки внуку, надо ли его освятить заново? Не будет ли внук нести ее крест?

о. Георгий. Нет, не надо, если он не был как-то осквернен, запачкан и так далее. Насчет

креста бабушки на внуке — я думаю, тут все ясно: каждый несет свой крест, и это символами или знаками никак не передается. Крест — не магический амулет.

Вопрос. Нужно ли женщине покрывать голову платком в храме?

о. Георгий. Желательно. Это традиция, и на Руси она вообще-то соблюдается, в отличие от западной церкви, где тоже была такая традиция — и покрывать голову, и не ходить в брюках. Женщина должна выглядеть празднично, если она входит в храм. А в рабочей одежде, в джинсах она не выглядит празднично. Рабочая одежда уместна на работе. Да и некоторая скромность ей никогда не помешает.

Вопрос. Если на улице найдена икона или крестик, можно ли нести домой эти святыни?

о. Георгий. Если они найдены на улице, то нужно их освящать. Если на крестик где-то грязь попала, то надо его помыть, почистить, привести в порядок и пойти в храм освятить.

Вопрос. Может ли некрещеный совершать крестное знамение, если нет, то чем его заменить?

о. Георгий. Может, если он верующий. Крестное знамение — знак исповедания силы крестной, это исповедание веры христианской перед другими людьми. Так что может совершать, если есть дерзновение, ничего в этом плохого нет. Я знаю, что для человека неверующего первый раз перекреститься — это целое событие в жизни. Ему кажется, что все на него смотрят, и так далее. Во всяком случае к этому тоже надо подойти. В духовной жизни для всего надо созреть. То, что одному человеку привычно и просто, другому иногда совсем и не привычно, и не просто. Поэтому я, например, особенно от новоначальных никогда не требую этого.

Вопрос. Я ученик 11 класса. Что мне отвечать учителю биологии, ведь теория Дарвина полностью противоречит христианству?

о. Георгий. Теория Дарвина — старая теория, и, конечно же, за это время человеческая мысль ушла далеко вперед. Многие вопросы, на которые Дарвин не смог ответить, были поставлены еще при его жизни. И все же я не согласен с тем, что теория Дарвина абсолютно противоречит христианству. Одна из центральных идей его учения нисколько не отменяет того, что написано в Библии. Библия же не отменяет научных представлений об эволюции видов, борьбе за существование и т. д. Дарвин несомненно внес определенный вклад в развитие научной и философской мысли. Беда в том, что его теорию идеологизировали, из нее сделали исключительно материалистические выводы. Если вы прочтете первую главу книги Бытия, то увидите, что там тоже постоянно идет речь об эволюции в мире. Но там говорится не только об эволюции, но и о творении. Дело в том, что наиболее существенные моменты перехода от одного состояния Вселенной к другому невозможно объяснить с помощью одной лишь эволюционной теории. Это прежде всего — сотворение мира, сотворение жизни и сотворение человека, и они целиком и полностью соотносятся с Богом, с Божьей творческой силой. Об этом и говорит Библия. А современная наука говорит только о том, что об этих переходах ей известно, но как сами они произошли, наука не знает. И слава Богу.

Вопрос. В Писании не говорится о крещении младенцев. На чем основывается обычай крещения младенцев в Православной церкви?

о. Георгий. На апостольском предании, на практике Церкви, начиная с апостольских времен. Эта практика исторически засвидетельствована. В Писании ведь нет никакого запрета на крещение младенцев. Есть даже некоторые высказывания, косвенно свидетельствующие в пользу крещения детей. Но прямого подтверждения этому тоже нет, как и нет прямого

отрицания. Из церковной истории нам известно, начиная уже с раннего второго века, что в некоторых церквях крестили и детей, хотя господствующей практикой оставалось крещение взрослых. До VI века крестили в основном взрослых. Даже если они родились в священнических семьях, их все равно крестили взрослыми, а перед этим всех оглашали, катехизировали, учили вере. Это было очень важно. Все в церкви были научены вере, поэтому большинство всегда очень строго держались веры и строили свою жизнь по вере. А когда перестали строить свою жизнь по вере, возник известный вам раскол между верой и жизнью. Когда прекратилась эта их соотнесенность, пропасть становилась все больше и больше. И вы знаете, к чему мы пришли в XX веке. Ведь это очень страшно — раскол между верой и жизнью. Вера и жизнь — две стороны одной медали. Как видите, наше время не случайно привело нас к тому, что мы должны вспомнить древнюю практику крещения взрослых и воцерковления всех через катехизацию, что мы с вами уже и делаем. Ведь наверняка большинство из вас, хотя и крещены, но жизни христианской не вели, веры христианской не знали. Во всяком случае — в полноте, всерьез. Строили жизнь в соответствии с какими-то другими принципами, хотя и старались, может быть, жить по совести. Поэтому все равно вам нужна катехизация, нужно вхождение в глубину и полноту жизни в Боге. Так что крещение младенцев имеет свои плюсы и минусы. Положительный момент состоит в том, что человек с раннего детства открыт духовному опыту. Это важно. Когда современный человек, пройдя большой и трудный путь, приходит наконец к вере, он из своего опыта знает, как не следует поступать, что не надо делать. Но он не имеет в себе детского опыта веры, который очень стабилизирует человека, гармонизирует его, делает его каким-то ясным, целостным. А с другой стороны, у человека, который обладает таким детским опытом, часто не хватает силы отталкивания от соблазнов мира сего. Поэтому даже в священнических семьях дети иногда неверующие. Не потому, что у них не было определенного духовного опыта, а потому, что они не смогли устоять перед соблазнами. Детей, может быть, излишне охраняли от них, и вот, встретившись с этими соблазнами, они отступили.

Вопрос. Обязательно ли верующему человеку носить крест, для чего он нужен?

о. Георгий. Я уже говорил о кресте, о том, что крест — это символ нашей веры и напоминание о том, что мы должны нести свой крест, т. е. жить по любви в этом мире, основные принципы и установки которого столь противоположны христианскому принципу жить по любви.

Вопрос. В Иерусалиме существуют две православные церкви — “белая” и просто православная. Чем они отличаются?

о. Георгий. Есть такая церковная юрисдикция, которая называется “Русская православная Церковь за границей”. Она состоит, в основном, из эмигрантов, поэтому иногда ее называют “белой”. Там сохраняются традиции предреволюционной церковной жизни, иногда искусственно, а иногда, наоборот, во благо. Эта церковь находится в напряженных отношениях и даже в расколе с нашей по вопросам скорее политическим, связанным, например, с канонизацией императора, экуменизмом, отношениями с советской властью и т. д. В нашей стране сейчас появилась эта юрисдикция — так называемая “Свободная Православная церковь”. Но уж очень, на мой взгляд, эти церкви типологически напоминают старообрядцев. Иногда их даже называют “старообрядцами XX века”.

Вопрос. Во Втором послании Иоанна Богослова сказано, что тот, кто не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть обольститель и антихрист. Не расходится ли это с Вашим ответом по поводу других вероисповеданий?

о. Георгий. Не расходится, потому что я отвечал не сам от себя, а приводил цитаты из Священного писания. И их никто не отменяет. Если Церковь в Священное писание включила и

то, и это, значит, в этом есть смысл, значит, на неформальном уровне расхождений нет. Можно найти только формальное противоречие.

Мы ставим вопрос так: что значит исповедовать Иисуса Христа, пришедшего во плоти? Если человек встретился со Христом и с христианством реально и отверг эту встречу, стал врагом Христа, тогда действительно он оболститель и антихрист. Но если человек отвергает то, с чем он не встречался, что он знает понаслышке и представляет себе очень часто неправильно, то это совсем другое дело. Ведь большинство современных людей отрицают Христа, если они вообще это делают сознательно, то как раз по этим причинам, будучи оболщенными, прельщенными или не встретившими Христа, но читая о Нем какие-то недоброкачественные книги.

Возьмем исторический пример — тот же Коран. Его можно воспринимать как антихристианскую книгу, а ведь можно относиться к нему и совершенно по-другому. В нем говорится об Иисусе как о Христе, и в одном месте Его называют Мессией. Но ведь мы знаем историю, знаем, что тот же Мохаммед не имел представления о православном христианстве. Он знал еретическое христианство и именно против него приводил свои аргументы, которые даны в Коране. Хотя там есть некое противостояние и отрицание христианства, но там же есть и другое: Иисус назван Мессией, т. е. Христом. Отрицается в первую очередь христианская ересь, а не подлинное христианство, которого Мохаммед не знал. Из этого, разумеется, не следует, что Мохаммед был вполне христианином. Но мы не знаем, что было бы, если бы он встретился с исповедующим истинную православную веру, причем в единстве со своим примером жизни. Вопрос. Можно ли венчаться, не будучи зарегистрированными в ЗАГСе? о. Георгий. Есть церковное правило, что можно венчаться только после признания брака обществом. Поскольку общественным признанием брака в наше время является регистрация в ЗАГСе, сначала все-таки спрашивают свидетельство о браке, а потом уже разрешают венчаться. И в этом есть смысл, ведь если сначала человека повенчать, то ему будет не ясно, состоит ли он в браке и что он должен делать дальше. До революции государственно-общественное и церковное признание брака было совмещено. Сейчас это не так. Хорошо это или плохо? Есть разные точки зрения, и поэтому верующим пока необходимо и то, и другое.

<DIR>

<DIR>

Заключительное слово о. Георгия

</DIR></DIR>

Мы с вами вступили на путь, который называется оглашением, или катехизацией. По-гречески — катихеза, катехизация, по-славянски — оглашение, от слова “глас”. Это очень важно, ибо оглашение — это не просто книжная работа. Начитаться хороших книг может всякий, но этого мало, хотя само по себе и неплохо. Еще лучше, если кто-то подскажет вам, с чего начинать, т. е. поможет расставить здесь нужные акценты. Сейчас все-таки довольно много хороших христианских книг, которые можно прочесть с пользой для себя. Но оглашение — это не начитка, не начетничество. Конечно, оглашение дает и информацию, и определенные знания. Без них современному человеку обойтись невозможно. Да и не надо пренебрегать умом. Совсем не по-Божески — пренебрегать хоть каким бы то ни было даром Божиим человеку, в том числе и душевным. Ум в первую очередь относится к сфере душевной жизни человека, но поддерживает, конечно, и духовную сферу, так же как и телесную.

Катехизация — это духовный путь, это духовный опыт последовательного и целостного

научения христианской жизни и христианской вере. Вера есть Дух. А наставление на путь веры и есть катехизация. Это такого рода наставление на путь веры, которое позволило бы вам самим отвечать на внутренние и внешние вопросы вашей жизни, самим идти по духовному пути, развиваясь самостоятельно, но не обособленно, а лично.

Катехизация — это некий пласт духовного опыта. Есть в христианской жизни нечто более простое, нежели катехизация. Это как раз то, чем мы сейчас занимаемся, и в прошлый раз, и через две недели будем заниматься. Это просто живое свидетельство. Но в христианской жизни есть и нечто более глубокое, более сложное, та же сфера догматов, таинств, аскетики, мистики, христианской антропологии. Это вещи, которые начинают открываться только в процессе катехизации, но в основной своей части они лежат за пределами катехизации.

Катехизация для нас с вами важна и как личностный прогресс, и нам очень важно, чтобы вы сохранили эту личностную связь, почему мы и будем в следующий раз после встречи делиться на группы, человек по пятнадцать-двадцать. Иначе катехизаторам невозможно будет услышать голос каждой личности. Катехизаторам необходимо установить с вами именно личные отношения, чтобы можно было посмотреть друг другу в глаза, а не просто выполнять вместе какие-то программы.

С другой стороны, важно, чтобы уровень катехизации был выше вашей индивидуальной веры. Сейчас для большинства из вас духовная жизнь, наверное, представляется как нечто сугубо интимное и индивидуальное. Тем более, что почти все мы воспитывались при той идеологии, которая твердила, что религия есть частное дело человека. Но это утверждение верно лишь отчасти. Религию хотели уничтожить и для этого утверждали, в частности, этот тезис. Но сила духа состоит именно в открытости по отношению не только к Богу, но и к ближнему, сила духа проявляется в любви и к Богу, и к ближнему. И эта любовь должна быть конкретной. Она не может быть абстрактной — вот, я люблю весь мир, а ближнего не замечаю.

Как раз для того, чтобы открыться друг другу и иметь внутреннюю силу любви и веры, и существует Церковь, существует молитвенная община. И когда люди могут открыться Богу и друг другу, тогда происходит некое чудо. Они как бы становятся прозрачными друг для друга, им нет нужды отталкиваться, не доверяя ближнему, и обособляться друг от друга.

Сейчас во многих действуют эти механизмы отталкивания: ближний мне как бы мешает, поэтому, к примеру, я не могу встать и помолиться при всех, это невозможно. Большинство из вас именно так и ощущает себя. Но эти перегородки между людьми, между сердцами человеческими, не говоря уже про умы их, надо учиться снимать. Снимать, однако, не так, чтобы человек терял при этом свое лицо. Наоборот, открытость по отношению к другому позволит ему обрести свою подлинную личность, ибо личность связана с Богом, с верой, а вера всегда связана с открытостью.

Это, может быть, самое важное, что необходимо вместить тем, кто проходит катехизацию, — надо открыться и при этом обрести свою личность пред лицом Бога. Далее, если мы утверждаем Бога как Бога личного и живого, то и наши отношения с Ним должны быть личными и живыми. Они и образуют ту связь, которая называется молитвой. Молитва — это не повторение лишь определенных формул в той или иной последовательности. Молитва — это живая личностная связь с Богом. Она может проявляться в самых разных формах. Есть традиционные канонические формы молитвы, когда человек использует уже готовый молитвенный текст, в который вложен опыт других людей. Но для вас сейчас важнее будет иная, более простая форма молитвы, более доступная, особенно для начинающих, и более искренняя, когда вы будете говорить Богу своими словами то, что у вас на сердце. Это потребует от вас внутреннего сердечного внимания к себе и в то же время обращенности к

Богу. Таким образом, вы сможете проверить себя, действительно ли слова такой молитвы исходят от вашей подлинной личности. И будет сразу ясно, дошла ваша молитва до Бога или она, как говорится, достигла только потолка.

При этом для вас очень важно будет отделить молитву от всякого рода психотренинга. Сейчас люди, особенно прошедшие через какие-то нехристианские практики, часто путают эти вещи. А путать их нельзя. Действительно, существуют определенные психотерапевтические приемы и методики, есть психотренинг, но есть и молитва. Нельзя свести одно к другому, а вы знаете, что такие попытки делаются. Молитва — не психотренинг, хотя она и проходит через область чувств и всей психики, т. е. через область души человека.

Не надо этого бояться. А то некоторые думают, мол, я молюсь только духовно, и здесь не должно быть никакого включения психических процессов. Это неправда, такого не бывает. Человек — не только дух. Он есть дух воплощенный, а плоть — это и тело, и душа. Душа же — это не только ум, но и чувства, и воля человека. Так что нельзя придавать абсолютное значение каким-то своим душевным качествам, целям или средствам, но нельзя и пренебрегать ими. Не случайно в Писании сказано: “Стану молиться духом, стану молиться и умом”.

И я должен предупредить вас, что все вы, собравшиеся, в силу самого вашего присутствия здесь, становитесь как-то вовлеченными в те трудности, которые связаны с нашим братством, с нашими приходом и школой. Мы как раз со всей серьезностью подошли к этому принципу — молиться и духом, и умом и, следуя ему в молитвенной и богослужебной практике, сделали из него конкретные выводы, что явилось одной из причин ожесточенных споров и весьма обострило наши отношения с некоторыми православными кругами и организациями, которые называют себя православными.

Мы и сейчас считаем, что обязаны исполнять это слово, что ум и дух не противоречат друг другу. При этом они не должны смешиваться. В Церкви должна быть полнота и духа, и смысла. Когда мы не обретаем эту полноту смысла в чем бы то ни было, даже в богослужении, мы стараемся ее восстановить. Тем более, что православная традиция позволяет это делать без всякого произвола и насилия. Но некоторые люди этого не признают, этого боятся. Их можно понять. История часто внушала страх, в ней были и есть трудные страницы, но тем не менее дерзновение обретения смысла представляется нам необходимым. Но, безусловно, оно не должно совершаться и за счет духа.

И полнота духа, и полнота смысла должны обретаться в Церкви каждым человеком. Церковь есть не только вера в Бога и вера в человека, не только любовь и свобода, но и полнота духа и смысла. Поэтому мы и шли по пути русификации некоторых богослужебных текстов, открывая для каждого человека возможность соучастия в богослужении, чтобы никто не чувствовал себя в храме чужим, ненужным, посторонним. Но все это пока еще остается предметом очень острых дискуссий, хотя едва ли их можно назвать дискуссиями, скорее это просто конфликтные ситуации. По сути дела мы даже не вышли еще на дискуссионный уровень, хотя есть надежда, что выйдем.

Это связано и с катехизацией и имеет к вам самое непосредственное отношение. Катехизация может дать все необходимое тем, кто хочет встать на духовный путь. Поэтому уже сейчас вам нужно подумать и о том, как решать свои нравственные проблемы, как исполнять волю Божию, т. е. заповеди Божии, закон Божий. У каждого человека, как мы уже сегодня говорили, есть совесть, которая подсказывает ему, что делать.

Надо научиться жить по совести, и совесть вам откроет удивительные горизонты. С одной

стороны, она расширит ваши возможности, а с другой, наоборот, потребует от вас серьезных самоограничений. Надо научиться жить по совести. И если бы совесть каждого человека могла говорить открыто и в полный голос, одного этого было бы достаточно для исправления жизни. Плохо лишь то, что с детства человек научается своей совестью манипулировать, подавлять ее, и тогда ее голос перестает звучать или же человек перестает его слышать. И тогда человеку необходима поддержка. Прежде всего в таких случаях используется личный опыт, и положительный, и отрицательный. Попадая в негативные ситуации, люди делают выводы.

Но есть еще более верное средство — Священное писание, где эти заповеди открыты. В следующий раз я конкретнее укажу, с каких книг Ветхого завета вам следует начинать, потому что если вы сами начнете читать без разбора, то в Ветхом завете утонете. Мы же дадим вам простейшие и необходимейшие для вас рекомендации.

Далее, мы не просто говорим о некоем нравственном совершенствовании и молитвенном подвиге. Мы христиане, значит, нам нужно Евангелие, т. е. Благая весть, Благовествование. Вы, наверное, все знаете уже, что в каноне книг Нового завета есть четыре Евангелия — от Матфея, Марка, Луки и Иоанна. Но мы будем просить вас вначале читать только первые три Евангелия, не переходя дальше, не любопытствуя, даже если вы уже все остальное прежде читали. Начинайте сначала, последовательно, не кусками, читать первые три Евангелия, и если у вас будут возникать какие-то вопросы, их, пожалуйста, записывайте. Не пренебрегайте этой рекомендацией. Мы будем каждые две недели встречаться уже в группах, и катехизаторы будут помогать вам находить ответы на ваши вопросы. Это и будет собственно катехизация. Выберите себе день, удобный для вас. В каждый день недели будет собираться какая-нибудь группа, так что вы всегда найдете для себя удобную на утро, вечер, один или другой день недели.

Еще несколько слов о храме. Опыт показывает, что вначале оглашаемым храм немного неудобен, и люди даже в храме немного как бы мешают. Человек удобнее себя чувствует один на один с Богом — может быть, в своей комнатке, дома, иногда на природе или в каком-то локальном, более удобном, более теплом пространстве. Хотя московские храмы очень теплые.

Мы все-таки возьмем на себя дерзновение сказать, что храм вам полезен, каждому в свою меру, поэтому старайтесь как можно чаще бывать в храме — и до службы, и после службы, и во время службы. Постарайтесь вникать в то, что происходит, но не насилюйте себя. Усилия прилагайте, но насилия не нужно.

Повторяю, здесь каждый из вас будет чувствовать себя по-особому. Мы и не хотели бы всех стричь под одну гребенку, и пусть каждый из вас внутренне сам отвечает за то, что делает. Плоды будут видны сразу. Во всяком случае для катехизатора они видны сразу и он вам будет давать определенные рекомендации.

И здесь я должен вам сказать, что в соответствии с многовековой традицией мы относимся к катехизации, как к священнослужению, и поэтому ваш катехизатор — это не просто назначенный руководитель группы, а человек, совершающий священнослужение. Его надо внимательно слушать, и исполнять все, что он говорит. Но катехизатор не будет говорить ничего сверх того, что вам нужно. Он не будет навязывать свои мнения. Каждый человек волен думать так или иначе. И сам катехизатор может иметь какие-то свои мысли, свои теории, которые могут показаться спорными. Но вам он будет говорить только то, чему учит Церковь. И если он что-то попросит вас делать, то только по минимуму, чтобы не накладывать на вас каких-то тяжких, неудобноносимых бремен.

На это тоже обратите внимание. Катехизация — это священнослужение. Например, то, что

здесь происходит, — это тоже священнослужение. Вы сидите, я вам что-то рассказываю, вы слушаете, задаете вопросы, можете встать, можете сесть, можете уйти, можете прийти и т. д. И вот все это — священнослужение в самом серьезном смысле этого слова. Называется оно служением Слова. Поэтому уже сейчас расширяйте свое сознание, знайте, что не только тогда, когда человек стоит в храме, где горят свечи, читают или поют, происходит священнослужение, оно совершается даже в таких условиях, как здесь. И Бог везде, где есть открытое Ему сердце, где есть любовь, где есть вера, где есть надежда. И это для нас с вами очень важно. Бог ищет Себе, как говорит нам Евангелие, поклонников “в духе и истине”, а не только на том или ином месте.

Это очень сильное евангельское слово. Бог не просто признает, Он ищет Себе таких. Я надеюсь, что Бог нашел и вас. А вы обретаєте истинного Бога. И дай вам Бог всем пройти этот путь.

Помните, что будет много искушений, испытаний на вашем пути. С одной стороны, вы будете особым образом хранимы Богом, если сейчас поставите свою духовную жизнь на первое место. Все, что связано с катехизацией, — на первое место. Это не значит, что надо совсем забыть о жене, о муже, о детях, об обязанностях на работе. Нет. Но важно то, что вы ставите на первое место. Если это произойдет, если Бог будет у вас на первом месте, и Божья воля, и Божий дух, то тогда вы будете действительно хранимы даже в самых трудных обстоятельствах. Старайтесь поэтому и внешне ничего резко не менять в период оглашения.

Весь цикл оглашения в среднем составляет около года. Потом у вас появятся и другие возможности. У нас есть и Высшая православно-христианская школа, и Богословские курсы для всех желающих. Есть и иные возможности, не только у нас в братстве. Итак, ничего не бойтесь, Бог будет вас хранить, ваши проблемы будут решаться, даже самые заскорузлые, самые сложные, которые вам сейчас кажутся неразрешимыми. У вас появятся и силы, и разумение. И это совсем не зависит, или зависит в очень малой степени, от образования, умственных способностей, от тех или иных ваших обстоятельств, от профессии, национальности, культуры и т. д. Бог поможет каждому. Поскольку оглашение — это не просто учеба, не просто передача информации, то люди и с хорошей памятью, и с не очень хорошей памятью — все смогут проходить оглашение равноценно и полноценно.

Вещи эти важные, они не просто декларируются, они проверены многолетним опытом. Наше Огласительное училище существует уже более полутора десятка лет, и у нас было время что-то увидеть и проверить.

Что касается места проведения встреч, то здесь возможно несколько вариантов. Если вы захотите собираться в домашних условиях, — пожалуйста, если захотите при храме, в одном из приходских помещений, — мы тоже будем идти вам навстречу. Оглашаемые выбирают и то, какой день им удобнее, катехизаторы — тоже. Обычно все складывается хорошо. Но если вдруг будут какие-то пожелания, то знайте, что мы не держимся за определенную форму. Если человек захочет перейти из группы в группу, — пожалуйста, это тоже будет возможно.

Ну что же, всего вам доброго. До следующей встречи.

Епископ Таврический Михаил (Грибановский): Письма

Богословие и философия

(начало см. в ПО № 24)

+

Вторник, 11 января... И охота Вам читать о всех этих наследственностях... Это только растравляет и отравляет жизнь, не принося ни малейшей пользы. Для настоящего верующего христианина наследственность не страшна, потому что есть возрождение, ради которого и приходил Христос.

Неужели Вы думаете, что от дурной наследственности кто-нибудь и когда-нибудь был избавлен? И однако вера во Христа возрождала, и люди становились одушевленными героями чистоты жизни, величия мысли и дел...

Мы, принимая все эти теории наследственности и безусловно преклоняясь перед ней, как перед роком, совершенно попадаем на дорогу язычников и позабываем, что именно ради избавления от зла этой наследственности и пришел Христос. Иначе зачем же Он приходил? Если и с Ним над нами тяготеет рок и мы его рабы,—то каков смысл христианства... Потому-то так настойчиво Христос и призывал к возрождению, поэтому-то и послан был Святой Дух, чтобы вырвать из когтей наследственных недугов...

Но мы забыли живую силу Христа, не знаем, что такое возрождение, не знакомы с вдохновением—и потому совершенно во власти наследственных болезней и проч. Теории и научные исследования наследственности очень полезны, но только для верующего и вдохновленного христианина. Он пользуется ими, чтобы облегчить борьбу с наследственностью... А для людей вне вдохновения во Христе эти исследования бесполезны, потому что кто же будет бороться с нею, если вес безусловно в ее власти... Ведь это же ирония развить перед больным закон его болезни, когда нет никакой возможности бороться с ней и излечить ее, не только в себе, но даже и в детях, и в будущих потомках, потому что ее роковая сила безраздельно царствует и над нами, воспитывающими наших детей, и над детьми, когда они будут воспитывать своих детей и т. д. ... Оставьте, моя дорогая, этот рабский страх перед своей стихийной природой и всякой наследственностью и воодушевитесь верой во Христа, Который даст силу бороться с ней и свою духовную личность освободить от нее...

Ах, дорогая моя, мы в странном ослеплении все... Вы не поверите, как с каждым днем, с каждым часом я все больше и больше вижу это, и мне страшно становится... Мы забыли, отвергли все, что составляет самую жизнь, самый смысл миссии Христа. И не только светские это сделали, но и духовные. Так жить нельзя... И скоро должен наступить кризис... и будут подвиги и жертвы: тьма, сгущенная над нами слабыми и невеждами в вере, веяниями Запада, должна развеяться, разразившись грозой и молниями.

+

Дорогая А.Ф. Что это Вас так занимает ад и адские муки? Неужели уже все остальное во Христе—чудное, положительное, прекрасное,—Вы уже исчерпали своим сердцем и вот хотите довершить свое здание и обращаетесь к деталям, к (формам, к тому, что можно истолковывать и так и сяк, ничуть не изменяя любви Христовой и вере в Него.

Вы, конечно, верите, что я от всей души радуюсь, когда Вы пишете мне о своих думах и чувствах, обращенных ко Христу, ищущих Его... Но мне хочется Вам поставить на вид следующее. Дорогая моя, чего Вы ищите во Христе? Зачем Вы к Нему обращаетесь? Затем ли,

чтобы найти в Нем отраду мира, счастье, полноту и цельность внутренней жизни, или затем, чтобы Христос разрешал Вам те или другие теоретические вопросы, которые тревожат и интересуют Вас... Идете ли Вы ко Христу, как к Избавителю от той страды сердца, от тех мук жизни, от того бессилия воли, которые каждый из нас носит в себе. или же как к философу, к учителю?

Это очень важно разрешить себе, потому что в том или другом случае получаются различные результаты. Посмотрите на жизнь Христа. За Ним ходят апостолы, бросившие семью и все остальное. Неужели Вы думаете, что у них не было всяческих вопросов? А между тем, несмотря на то, что Христос часто совершенно шел вопреки их верованиям, они спорят ли с Ним, предлагают ли Ему вопросы? Нет, они так любят Его, так влекутся к Нему сердцем, чувствуя Его бесконечную чистоту и святость, что безусловно верят Ему и только слушают то, что Он находит нужным открыть им... Ко Христу прибегают грешники, грешницы. Неужели грешница не могла спросить Христа: разве она виновата в том-то и том-то? И тысячи вопросов, конечно, она смогла бы предложить, переболевши сердцем всю муку своей страстной грешной природы. Но она ничего не предлагает, а только ищет во Христе отрады мира и чистой совести, прощенной, помилованной души...

Посмотрите, кто из тех лиц, кого отличил Господь Своею любовью, кому Он дал счастье быть Его другом, кто из них предлагал Ему вопросы?—Никто, решительно никто.

Теперь обратите Ваше внимание, кто именно с этими вопросами подходил к Нему. Кто это был? Книжники, фарисеи, саддукеи,—лица, руководящие интеллектуальным, политическим и нравственным строем иудеев. Они совсем уж не так были худы, такие злодеи, какими мы не прочь их изобразить... ничуть. Это—люди, создавшие свои собственные теории философского и политического характера, это были рьяные и, в житейском смысле слова, честные и высокие борцы за национальную и умственную свободу иудеев... Но они ушли в свои человеческие соображения и теории, так отдались голове и рациональным житейским соображениям, что решительно не смогли своим сердцем ощутить божественной высоты Христа. Они подходили к Нему с вопросами и сомнениями, спорили с Ним, добивались от Него доказательств и знамений. И что же? Вы знаете, какое отношение было к ним Христа? Он если и говорил с ними, то для того только, чтобы уличить лукавство их мысли, а по существу не вступая с ними в подробные объяснения.

А почему? Очень просто: потому что разреши Он одно, они предложили бы дальше другое; из каждого ответа народились бы десятки вопросов, потому что ОБЛАСТЬ СОМНЕНИЙ ТАК ЖЕ БЕСКОНЕЧНА, КАК И ОБЛАСТЬ МЫСЛИ.

Ну, вот Вас беспокоит ад. Вы мучаетесь над вопросами, физические или внутренние будут муки, вечные или не вечные?

Все ли в конце концов спасутся или нет? Но скажите, пожалуйста, предложит ли их Христу тот, кто ищет в Нем спасения от внутренних мук сердца? Физические или внутренние муки? Ну не все ли это равно для нас? Ведь суть-то в том, что муки—страдания, а каковы они—разве это не второстепенно? И затем подумайте: если Вы говорите о внутренних муках, то разве они по необходимости не будут в то же время и внешними? Разве наши внутренние потрясения не выражаются нервной горячкой? Разве печаль и чисто внутренние страдания не отражаются сейчас же на теле? Разве есть грань между внутренним и внешним? Разве не все внешнее отражается на внутреннем и все внутреннее на внешнем? И разве современная наука не показывает, что тут нельзя провести границы?

Ну чего же мы рассуждаем: физические или психические муки. Не научный ли, не детальный

ли это вопрос? Где мы видим у человека в чистом виде то или другое, не соединено ли это в самой природе нераздельно? А мы делаем из этого спорный вопрос для веры во Христа... Мы хотим, чтобы Он ответил нам для удостоверения Своего божественного достоинства... Да не все ли нам равно?

Разве нравственные муки не тяжелее физических; и про что здесь собственно спорить... Разве в присутствии Христа может этот вопрос прийти... Ведь не придет же нам на ум спросить Его: а какая температура будет в аду? Ведь это смешно; совершенно так же не важен вопрос о том, физические или внутренние будут муки...

Дело в том, что зло мучительно: всякий эгоизм, всякое дурное движение сердца влекут за собой муки; всякое отчуждение от сердца Христова—влечет страдания—вот суть, а остальное просто дело второстепенной важности...

Вы мучаетесь сомнением: как это могут быть муки вечные? Разве это справедливо?

Ну подумайте, можно ли тут спорить, когда мы с Вами не знаем и понять не можем, что такое вечность. Ведь вечность не есть бесконечность. Вечность—это постоянно настоящее время без всякого прошедшего и будущего... Ну чего же тут мы понимаем? Не очевидно ли, что с нашей теперешней организацией это для нас так же непонятно, как непонятно какое-нибудь четвертое измерение или ультрафиолетовый свет. А мы спорим: справедливо или нет, когда не знаем даже и не можем знать именно того, о чем идет речь...

Да и потом скажите, пожалуйста: Христос добрее Вас или нет? Больше Вас Он любит людей или меньше? Если больше и бесконечно больше, то разве мог Он выдумать что-нибудь жестокое для людей и несправедливое. Не ясно ли, что нам нужно довериться Христу: уж наверно Он хоть немножко посправедливее и подобрее нас; а не торговаться с Ним, сколько нам страдать за столько-то лет. Право, это странно. Тут просто скрытое недоверие... Уж как будто мы-то и судьи справедливые, а Христос жесток и несправедлив. И главное: мы выводы строим на тех же словах Христа, которые могут быть понимаемы очень различным образом...

Мы мучаемся. Вы мучаетесь над тем: все или не все спасутся.

Ну подумайте: не чисто ли это теоретический вопрос. Спасутся те, которые войдут в согласие с жизнью Христовой, которые не воспротивятся Ему во что бы то ни стало... Много ли, мало ли, все или не все—разве это существенно и разве это можно знать. Ведь, уж конечно, Бог и Христос сделает все, что только в Его власти, чтобы привлечь к Себе свободу человека. Но все ли в конце концов отзовутся на это или найдутся такие, которые во что бы то ни стало не уверуют по своей гордости, что все счастье в настроении Христовом и вся жизнь, вся высота в Христе—это неизвестно, все равно, как неизвестно, когда и в какой час придет Христос. Ведь суть-то вся в том, чтобы знать, что ВСЕ МОГУТ спастись, что Христос совершит ВСЕ, чтобы спасти; а уж все ли уступят этой любви, все ли поддадутся ей и прильнут к ней—разве это можно знать?

Еще бы спросить Христа, а вот Петр Семенович, наш знакомый, спасется или нет когда-нибудь? Христос бы наверное сказал: Я умираю за него, Я делаю все, чтобы он полюбил Меня, но полюбит ли он—это зависит от него. Я и по смерти его сделаю все, чтобы привлечь его, но уступит ли он—это в его руках.

Ведь подумайте, нельзя же насильно принудить любить. Ведь вся сущность любви, весь аромат ее именно в свободе—как же можно говорить о насилии, когда речь идет о свободной любви. Даже и Бог не может понудить любить—ибо это противостоит естеству, невозможно. Значит—как

же можно решать вопрос: все или не все спасутся,

И главное, эти вопросы мы ставим, как пробу Христу... Они все по самому существу своему построены на недоразумении, и мы выискиваем их Бог знает откуда, тогда как самое главное, самое существенное, ясное у Христа ускользает от нас, не возбуждает в нас той беззаветной любви, какой оно заслуживает... И так идет жизнь наша...

Но, однако. Вы скажете, эти вопросы решались в Церкви. Да, решались, но уже ПОСЛЕ веры. Да, решались, но как вопросы ЛИЧНОЙ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОСТИ. Поэтому и решались и никогда не вносились в символ веры. Почему же не попробовать решать их для себя, когда уверовали во Христа? Это так естественно, каждое слово Господа дорого и хочется хорошенько уяснить его. Но только это тогда, когда со ХРИСТОМ, когда уже отдался Ему, доверился Ему, когда покоен, потому что Он с тобой и ты с Ним... А когда еще стоишь и раздумываешь, идти ли за Христом,—тогда эти вопросы невозможны; это значит поставить себя на такую дорогу, с которой никогда не свернуть и никогда не прийти ко Христу, потому что вопросы эти бесконечны, как бесконечна наша жизнь в своем анализе...

Дорогая моя, живая личность Христа такого необъятного значения, такая несказанно чудесная драгоценность, что в миллиарды, квадриллионы раз превышает наши теоретические сомнения... Когда Господь предложил Свое учение о том, что кто вкусит Его Тела и Крови, тот жив будет вовеки.—это произвело великий соблазн и многие ушли от Него, сказавши себе: жестоко, непонятно Его слово и кто может понять Его? Христос, обратившись к апостолам, сказал: может быть и вы уйдете? Но они в ответ произнесли великие, чудные слова: «К кому, куда нам. Господи, идти? Ты имеешь глаголы жизни вечной». Вот золотые сердца: разве у них не возбуждалось сомнений? Разве мысль не могла предьявить им вопросов? Но что все это для них сравнительно с любовью к Несравненному Учителю. Что такое их бедное разумение по сравнению с той божественной мудростью и высотой, которая просвечивает через всю личность Господа? Сердце, все что они имели хорошего, святого, все им говорит, что в Нем жизнь, истина, Бог. Что же еще? Если они еще не понимают некоторых Его слов, то что же из того... Он не может сделать ничего дурного; наверное, затем все разъяснится... И во всяком случае доверие ко Христу стоит непоколебимо: к кому мы пойдем,—говорят они.

Да, дорогая моя, а мы с Вами к кому пойдем, если будем ставить на карту свою веру во Христа из-за тех или других сомнений и недоумений? Посмотрите на всю историю, на все окружающее, на всю совокупность того, что мы достигли на земле и даже мечтаем достигнуть—посмотрите на все это и скажите: что может приравняться Ему? Куда от Него мы пойдем? Где же, кроме Него, та чистота и жизнь, которой хватит на обновление целого мира...

Имейте одно в виду, самое главное: все дело в ЛИЧНОСТИ, в ЖИВОЙ ЛИЧНОСТИ. Только личность спасает, только личность можно любить, только в личность можно и должно верить. Все действия, все слова—все это только частичные обнаружения, характеризующие личность, но не исчерпывающие ее. Все это только намек на нее, это отдельные иероглифы, которые должна истолковывать себе другая личность или совокупность личностей.

Личность—это нечто совершенно невыразимое, вполне несказанное, это тайна, доступная только любви и вере... Возьмите наши обычные личности. Посмотрите, что если мы будем судить друг о друге только по отдельным словам... Да вот сейчас, уверяю Вас, я буквально миллионной доли не могу написать того, что у меня в сердце и в голове, и буквально ни одним словом из написанного не доволен; все мне кажется бесконечно слабо, бесцветно... Я по получении от Вас писем всю неделю писал, столько родилось мыслей, но решительно ничего не исчерпал, что родилось в душе... Вот и сейчас написанное только один ничтожнейший и бесцветнейший намек, но я верю, что Ваша душа не отдалится от меня из-за того или другого

слова...

Дорогая моя, мне еще раз хочется повторить Вам, что совсем не имею в виду стеснять Вашу мысль. Я от всего сердца рад видеть, что она у Вас направляется ко Христу. Я только хлопочу о Вашем духовном покое, о Вашем мире. Не делайте из своих вопросов вопроса, так сказать, «кабинетного», если это не так, то выхожу в отставку в целом составе; не ставьте из-за отдельных сомнений на карту Вашу веру во Христа. Ведь очень может случиться, и постоянно случается, что те или другие сомнения сейчас не могут разрешиться для Вас. Например, я Вам объясню что-нибудь неубедительно для Вас, а может быть и просто неверно; обратитесь к другим и там, быть может, не найдете вполне того, что было бы подходяще для Вас; станете сами думать и только запутаетесь... Вот тут-то и нужно следовать тому, что выше всяких сомнений—любви и доверию ко Христу...

... И Церковь, в лице своих лучших сынов, всегда в меру разума трудилась над разрешением тех или других вопросов, но все это исходило уже из предварительной беззаветной преданности к живой реальной личности Христа... Это безусловное доверие было во главе жизни и настроения, и сомнения никогда не касались этого, как бы они не были трудны и неподатливы... Церковь всегда повторяла с апостолами: «Куда, к кому мы пойдём... Ты имеешь глаголы жизни вечной. И пусть наше слабое понимание иногда не в силах следить за Тобой—мы безраздельно с Тобой, и ни смерть и ничто на свете не разлучит нас с Тобой...».

Теперь, в частности, о Ваших сомнениях. Очень, очень жалею, что я не вблизи Вас. По получении Ваших писем я много кое-чего заметил и написал. Но всего я не могу присылать. Поэтому буду по самой крайности краток и сух...

Вас пугает геенна огненная. Примите во внимание при объяснении слов Господних, что Он пользовался, как и все на Востоке, ходячими изречениями, фразами, образами для выражения Своей мысли. Поэтому нельзя многим Его словам придавать буквального смысла. Он употреблял их лишь потому, что они всем были понятны, у всех были на устах и легко воспринимались и запоминались. Представьте себе, что кто-нибудь для выражения мысли пользовался бы народными пословицами. Ведь странно было бы выводить смысл из ЧУЖДОГО отдельного слова. А на Востоке при отсутствии книгопечатания, при постоянном изучении законов и преданий на память,—все мыслят и говорят такими пословицами, то есть всем известными образами и изречениями...

Поэтому-то, если наша любознательность хочет проникнуть за известный образ, нужно знание современной Христу среды и писаний и преданий, находившихся в ней.

Ге-Енна значит по-еврейски долина Еннома. Она около стен Иерусалима, прямо за ними. Это мрачное место, полное самых ужасных и омерзительных воспоминаний для евреев. Здесь много их легло костями в сражениях; здесь приносились самые жестокие жертвы Молоху, и самые отвратительные Астарте. На раскаленные руки Молоха бросали невинных младенцев и они скатывались в огненное нутро истукана. Девы приносили свою невинность Астарте. Культ был полон самых противоестественных развратных оргий, где жрецы были кастраты, а жрицы—узаконенные развратницы. Так как Молох и Астарта были боги палящего солнца, то им посвящался огонь; оргии совершались в глубине темных пещер; тьма и огонь были символами этих богов...

Из долины Енновой разливался этот разврат до времени царей. И пророк Иеремия, собравши вокруг себя старейшин иудейских, предсказал падение царства и Иерусалима. И когда иудеи вернулись из плена, для них Ге-Енном был просто предметом отвращения и ужаса. Сюда стали свозить нечистоты, и для предупреждения заразы здесь постоянно поддерживался

огонь; здесь совершалась и смертная казнь, и трупы валялись и поедались червями... Для фарисеев и вообще для евреев Ге-Енном был символом гибели всякого язычества... Отсюда шла зараза идолопоклонства, погубившая иудеев, и вот воочию конец, постигший ее: смерть и смрад царили на его месте.

Отсюда Вы поймете, почему Христос пользовался словом Ге-Енном. Он не Сам выдумал его, не сочинил, чтобы поточнее выразить мысль, а просто взял его, как совершенно обиходное и сросшееся с народной историей. И заметьте, это слово Христос употребляет только тогда, когда говорит о прелюбодеянии, о разврате или в прямом смысле или в духовном или в религиозном—о прелюбодейной связи с миром (я тут много интересного отметил и нашел; Бог даст, когда кончу то, что работаю,—увидите и прочтете...).

Таким образом, мы напрасно придираемся к словам и делаем из геенны что-то буквально и точно выражающее мысль Господа. Это было бы так, если бы слово составил Сам Христос для выражения идеи, как, например, мы видим ясные понятия в Его учении о любви и в заповедях блаженства. А здесь совсем не то. Это образ, понятный для всех и которым Христос хотел показать, что вот какой конец будет всякому злу и разврату... Тут важна идея гибели, а не слова. Где Христос говорит: где червь не умирает и огонь не угасает (Мк 9:44), там Он пользуется буквально словами пророка Исаяи (66:24), которые тоже всем известны...

Христос говорил публично. Его цель была прочнее запечатлеть и памяти, потому Он и пользовался именно тем, что у всех было на устах, лишь освещая со Своей, высшей точки зрения... То же самое приложимо и к другим выражениям об аде. Печь огненная—это общепринятый образ гибели, взятый из того, что иудеи после того, как провеяли хлеб, плевелы сжигали в нарочно устроенных очагах или печках. И еще Иоанн Креститель говорит о Христе: лопата в руке Его и Он отделит пшеницу от плевел, пшеницу соберет в житницы, а плевелы сожжет огнем неугасимым...

И Христос постоянно говорит, что Он пришел произвести разделение между людьми, между добром и злом, и говорит, что зло погибнет как погибают плевелы и после обычной жатвы на полях в огне... Если Вас соблазняет, что огонь называется неугасимым—то примите во внимание опять то, что на Востоке мыслили и говорили целыми изречениями, и связь слов так сливалась, что невозможно было их отделить.

У пророка Исаяи еще огонь соединялся со словом «неугасимый», вероятно, как поэтический образ.—и это так заучилось всеми, что само собой одно слово влекло за собой и другое...

Ах, сколько, сколько можно бы Вам тут сказать... Но где же тут, на бумаге, да и невозможно по времени...

Вас смущает еще слово «вечный». Но я уже упоминал, что по внутреннем смысле это совсем непонятно вообще для человека, живущего во времени. Но в каком смысле его употреблял Христос—это вопрос очень детальный и трудный. Слово «вечный»—весьма часто у восточных народов употреблялось как гипербола. И мы ведь говорим друг другу: ты вечно болтаешься и пр. Затем, «вечный»—опять-таки часто совершенно сливалось с некоторыми словами в народном языке, и именно в отношении будущей жизни.

Я не хочу тут прямо утверждать, что Христос употреблял это слово как гиперболу, ибо думаю, что раз мы в той жизни будем в «вечности», то почему же и те страдания не назвать вечными. А что такое вечность, мы решительно понять не можем сейчас. Это особая форма бытия, превышающая наши теперешние формы времени. Значит, тут мы не можем сделать никаких заключений и выводов: ни бояться, ни обвинять Христа в жестокости мы не имеем права,

потому что не знаем, за что... А если не это разумел Господь, то значит Он говорил на обычном народном языке, и значит, опять хвататься за буквальный смысл нет оснований...

Если Вы желаете знать мое личное мнение, то оно вкратце таково: 1) зло непременно ведет к страданиям; 2) каковы эти страдания—это решительно все равно: и внешние и внутренние они так неразрывно связаны, и так по ощущению своему однородны, что решительно нет интереса рассуждать об этом; 3) страдания совершенно параллельны злу, пока зло—дотоле и страдания; 4) страдания могут быть вечны, потому что человек свободен и может вечно противиться добру, а следовательно, и вечно страдать: даже и Сам Бог не может насильно избавить от страданий, дать счастье, потому что Любовь к добру и к воплощению добра—Христу—может быть только свободной... 5) Что такое сопротивление добру возможно психологически мы видим и теперь: разве мы не страдаем от зла? Разве мы не в аду своего рода? А разве легко отказываемся от него, разве мы не с трудом преодолеваем себя, чтобы полюбить Христа и полюбить в Нем добро и отдаться Ему? И ведь чем ни дальше, тем труднее развязаться с путями зла.

Почему же нельзя допустить, что могут найтись существа—люди ли, духи ли,—которые так и не захотят отказаться от своей гордости, от своего эгоизма, от своих мечтаний и полюбить просто и смиренно смиренного Христа. Ведь и истина и добро страшно просты, так сказать прозрачны, идиличны, как прост и идиличен Христос. И в этом Его соблазн. Мы все рвемся к сложному, грандиозному: мы все запутались в своих мечтах. И отказаться от всего этого нам не хочется. И несмотря на то, что олицетворение простоты и любви за нас умирает, призывая и привлекая нас к Себе, мы все же увертываемся, всячески обманываем себя и не поддаемся голосу смиренной простоты, любви... Почему то же самое не может продолжаться и дальше? Почему я не могу продолжать это вечно? Кто и как может меня заставить отказаться от моих мечтаний? Я знаю, что я от них страдаю, знаю, что счастье и мир в простоте Христовой... а все-таки стою на своем и упорно мечтаю и осуществляю свои мечты, вопреки Богу... Это очень понятно. А по-моему, христианское учение о возможности вечных мучений не только совершенно логично, но прямо вытекает из признания божественного достоинства и свободы человека.

6) Но в действительности останутся ли такие упорные или в конце концов покорятся простоте истины—это неизвестно, потому что всецело зависит от свободы человека или духов. Пока будут противиться вечно, будут страдать вечно. Преодолеют себя, откажутся от себя—примкнут ко Христу—получат счастье. Все зависит от свободы человека или духа, даже и для дьявола этот вход не закрыт. Но только Церковь в лице святых отцов полагает, что если диавол не захотел отказаться от своей мечты, от своей гордыни, от своего противления Богу, когда видел, что воплотившийся Бог из любви умирает за людей,—если он не отказался от себя, видя такую беспредельную любовь до бесконечного унижения и страданий, до крестной смерти—то что же его еще может побудить сильнее?..

Вот Вам мои взгляды. Вероятно они изложены очень смутно, но спешу и решительно не обращаю внимания на точность и форму... Верю, что Вы поймете намеки и что непонятно—напишете мне...

Еще Вы как-то писали об иссушении смоковницы. Вы находите жестоким: «за что проклинать невинную смоковницу!»,—восклицаете Вы. Простите, но право, это восклицание, которое довольно часто встречается у рационалистов и противников Христа, мне всегда казалось чем-то смешным, не то просто отвратительным по своему лицемерию, по своей мелочности и придирчивости...

Простите, я не Вас имею в виду; Вы говорите со слов Вашей знакомой, да и она с чужого голоса. Я говорю о тех, кто говорит об этом сознательно...

Ну, подумайте: вот факт. Это было перед самым страданием: в Великий Понедельник после входа в Иерусалим Христос сделал все, чтобы привлечь к Себе иудеев. Ничто не помогало. И Он произнес им правдивые притчи о том, что кто не принесет плодов добра, тот погибнет, высохнет, умрет... Все средства любви истощены—человек оставляется своей свободе...

Ну вот идет Христос мимо смоковницы. «Это не было время собирания смокв»,—говорит евангелист, то есть смоквы не отрясли еще от деревьев. Христос идет к ней, чтобы взять плод. Не оказалось ни одного. Очевидно, она уже потеряла силу производительности.

Что же такого жестокого и безнравственного, если Христос воспользовался этим, чтобы символизировать на этом дереве судьбу иудейского народа и всех, кто не приносит плодов добра... Что здесь такого нелепого, если на этой бесплодной смоковнице Христос хотел показать Своим ученикам, что Его притчи народу иудейскому не простые слова, а имеют за собой божественную силу. Боже мой! Нам так жаль бедную смоковницу! Ну не лицемерие ли это? Это нам-то, которые все купаемся в крови и злобе... Это мы-то вступаемся за невинное дерево... Почему же тогда уж не винить Христа и в том, что он мял траву, рвал колосья хлеба, ел плоды? Чем, в самом деле, все это виновато?

Да что Вы, постыдитесь Господа, ведь скоро обвинения будут так сильны, что спросят Христа, а зачем Ты ходил по земле? Да разве смоковница сознательное существо? Разве она ощущала страдания? Разве мы на каждом шагу не рубим деревья, не мнем тысячи существ? А если Христос воспользовался бесплодным деревом, как символом для назидания, то это «жестоко»... Если Он на и так засыхающем, может быть, дереве дал образец силы веры, то это «нелепо»...

И потом такое ужасное слово: «проклял» смоковницу. 1) Слова «проклял» совсем и нет в Евангелии в данном случае. 2) Проклятие означает только, что нечто предоставляется своей судьбе, лишается поддержки: ПРОКЛИНАЮ—значит ОТЛУЧАЮ. Так что делать пугало даже и из такого слова, как «проклятие», совсем не следует. Это страшное слово, но оно не обнаруживает никакой активной жестокости... И если Судья говорит грешникам «проклятые», то это значит только: отлученные от Меня, предоставленные самим себе, но дело и том, что по отношению к смоковнице даже и этого слона не было употреблено. А просто Христос сказал: не будет от тебя плода с тех пор. Вот и нес. Он лишь ускорил тот процесс, который в ней уже совершался и ясно выражался в ее бесплодии... Чего же тут жестокого? За что же тут обвинять Христа? Ведь это нес равно, как если бы Он взял соломинку и переломил ее в знак того, что так же сломлена будет гордыня (фарисеев... Нет, дорогая, ради Бога не придирайтесь ко Христу... Весь этот сентиментализм вытекает из нелепой предвзятой вражды ко Христу и по существу своему нелеп, смешон, невозможен...

Когда я слышу такие возражения, мне становится страшно за человека, столько в нем самой упорной ненависти ко Христу... Ничего нет, так он вымышляет что-то невозможное, только бы найти хоть малейшее пятнышко, оправдать свое неверие в Христа, свое равнодушие к Нему...

Молюсь просветить Ваш ум и сердце... А главное, всегда помните, что Христос пришел основать ДУХОВНОЕ царство и дать ДУХОВНОЕ счастье, а не изменять чисто внешний порядок жизни, который идет фатально и придет сам собой к своему уничтожению. Потому-то не нужно требовать, чтобы при вере во Христа, при общении с Ним изменялись для нас внешние события и уменьшалось количество внешних невзгод. Христос лишь предлагает силы—внутренне противостоять этим невздам и среди них создать себе мир, счастье, бодрость и крепкую веру в жизнь духа. Только это Он и даст. И весь небесный мир нисходит на нашу душу и озаряет нашу жизнь только изнутри.

Мир земли, мир внешний, как испорченная машина, давит и мучит неизменно все, что

попадаете ей. Но и в ней мы можем через Христа найти такую область, которая недоступна ее колесам,—это область духа. И приходит время, когда и наше собственное тело от дисгармонии спадет и развалится, тогда дух выпорхнет из машины и будет жить силами теми, которые дал ему Христос, и будет поддерживаться и развиваться другими такими же выпорхнувшими духами... Придет время, и весь земной мир развалится от своих диссонансов и разрешится в хаотический атомный водоворот—мировой пожар. И вот только тогда дух наш чистый и благодатный ускользнет от этой катастрофы, так как недоступен ее материальной силе, выше ее... Христос и даст именно силу очищать и возвышать дух чрез общение с Ним и со всеми небесными душами. Поэтому-то верующий в Него и живущий в Нем не придет на суд, но перейдет прямо от смерти в жизнь...

Эта мысль о полной независимости и отдельности Христова мира. Христова царствия от окружающего нас фатального хода материальной внешней жизни—даст величайшее успокоение и разрешает многие сомнения и тревоги.

Недаром Христос постоянно оттенял мысль, что Он духовный царь, что Царство Его не от мира сего, что этот мир земли идет по линии толчка, который дала ему грешная человеческая воля... Он пришел не остановить, не исправить машину эту, а создать в ней такую стихию, которая для нас не доступна, и возвести туда тех, кто пойдет за Ним. Если бы Он исправил машину насильно, если бы стал земным царем и чудотворцем, то плотские люди опять так же бы испортили ее и все бы пошло по-старому. Но Он видел, что машина все равно изломается и рухнет, а надо одухотвориться, войти в этот эфир духа, в ту чистоту и высоту его, которая уже совершенно не доступна колесам грубой материальной машины.

Понимаете ли, что я хочу сказать и почему эта мысль так успокоительна? Понятно ли теперь, почему и в несчастьях и в страданиях последователи Христа находили мир и счастье со Христом. Понятно ли, почему они стремились не к внешним переменам и реформам, а к внутреннему перерождению людей. Конечно, они и о внешних улучшениях заботились, потому что видели, как колеса перетирают шеи ближних и сочат из их сердец кровь. Но это лишь дело милосердия, оно требуется любовью, но не оно самое главное. Главное—дать человеку Христову силу духа, возродить его, приобщить его Христу и небу, дать ему радость и мир в области высшей, недоступной этому плотяному, грубому миру... И сюда направлены все силы христиан. Они именно выводили людей из египетского плена в обетованную землю внутреннего неба, где Христос и все Его с Ним...

Ну, написал столько, что негде поговорить о самом главном из Вашего письма—о загробной жизни. Для меня самого все теоретические основания в пользу бессмертия, а не против него. Развивать все их было бы слишком долго и сию минуту невозможно. Я только скажу одно: если мысли колеблются и за и против бессмертия, то все же в миллион раз лучше примкнуть ко Христу. Ведь если Он ВЕРИЛ, то чего же мы-то, ничтожные, жалкие пигмеи, рассуждаем. Его вера не должна ли носить бесконечно тяжелее всех наших сомнений, ни на чем не основанных... Уж если такая чистота божественной души прямо непоколебимо верила, что загробная жизнь есть (Лк 20:34–38), то что же нам-то остается...

А затем, верим мы или не верим, что Он воскрес? Что Он сейчас с Нами? Если «да», то рассуждать нечего. Если «нет», то значит мы не христиане, для нас Христос—тень, призрак, и мы самые несчастные люди; да и Христос самый несчастный, самый заблуждающийся и вводящий нас в заблуждение безумец. А если так, то стоит ли жить?

Если Христос безумец, если Он ошибался, то я плюю на весь мир, презираю его и прямо заявляю, что я считаю себя бесконечно мудрейшим всех, присоединяясь к заблуждению Христа. Ибо это заблуждение в таком случае беспредельно выше, дороже, премудрей всякой

бессмысленной действительности... Если взвесить на весах чудную личность Христа, то разве она не перетянет весь мир, всю действительность, раз она вся здесь и кончается.

Боже мой, да в таком случае я сейчас готов идти на костер за идею Христа о бессмертии личности человеческой; и этот костер тем будет радостнее, чем больше бы мне доказали, что бессмертия нет. Именно тогда моя вера, моя «иллюзия» со Христом была бы бесконечно мудрее этой глупой, омерзительной, каннибальской деятельности... Если Христос не истина, если Его Дух, Его вера, Его любовь не истинна—то я презираю всякую истину. Если Христос не жив, если Его БИЛИ, ЗАУШАЛИ, НАДРУГАЛИСЬ НАД НИМ И ОН С ТЕМ И ПОГИБ И УНИЧТОЖИЛСЯ навсегда, то я проклинаю всю эту истину и становлюсь на сторону заблуждающегося, но чудного, божественного, неизъяснимо трогательного и чистого Страдальца... Не хочу я этой истины, если она не пощадила Христа. Я не люблю ее, не признаю ее, не преклоняюсь перед ней... Я выше ее, ибо со мной Христос с Его верой, с Его прекрасной, единственной в мире, в жизни душой... Нет никакой истины, если истина не во Христе. Нет никакой правды, если Христос замучен и ПОГИБ. Не стоит мига, одного мига жить, если Христос УМЕР—И НЕТ ЕГО.

Мы доискиваемся смысла жизни, держимся за эту жизнь, не признавая загробной жизни. А не видим, что перед нами огненными буквами блестят слова: «А где же Христос? Где в таком случае Его чистая, убитая твоим миром душа?».

Если ты держишься за эту жизнь с отрицанием ТОЙ, то значит и ты погубил, замучил, поглотил Христа вместе с этой жизнью, излюбленной тобой. Если ты находишь в ней смысл, хотя бы она и УНИЧТОЖИЛА В МУКАХ ХРИСТА, то значит ты—христубийца. Если ты признаешь ее за истину, то что же для тебя Христовы муки? Ложь.

Ой, нет такого проклятия, которого достойна была бы та правда, та истина, которая исполосовала насквозь все голубиное божественное сердце Господа и превратила Его в отвратительное чудовищное «ничто». Пусть разразит меня эта правда. Я проклинаю ее всеми фибрами моего существа.

Нет, Христос жив. Его вера не призрак, не обман. Правда есть и она сохранила Его. Истина есть и она оправдала Христа... Христос жив. Значит и мы будем живы.

«Где Я, там будете и вы»,—сказал Он. И мы с Ним, с Ним неразлучно во всем... Ни ад, ни смерть не отторгнут от Него... С Ним жизнь и бессмертие для всякого.

+

20 декабря 1893 г., 1 час ночи. Дорогой мой П. Глубокое спасибо тебе за письмо. Оно пробудило в душе дорогие воспоминания и чувства. И обвеяло каким-то теплом. Спасибо за поздравления. Я верю в их силу, если они истекают от любви. А в отношении тебя у меня нет в этом никакого сомнения. Как бы внешне мы ни были разделены—все же любовь соединяет нас. Я в это всегда верил и старался взрастить эту веру воспоминанием тебя в молитве.

Ты спрашиваешь: какие вопросы нравственного мира меня занимали в последнее время и к каким выводам я пришел в решении их?

Вопрос, мой дорогой, слишком сложный. Наверяд вкратке можно ответить на него, насколько могу ответить. Что неясно, договоримся после. Один вопрос наполнял мою душу и сознание: как ощутить в себе Бога? Как сделать это ощущение более или менее постоянным? Как устроить свою жизнь так, чтобы она была всецелым осуществлением этого ощущения? Иначе сказать:

как сердцем дойти до Бога, как жить в Нем, как действовать из Него? Насколько я себя понимаю, я всегда ощущал непреодолимую жажду. В семинарской жизни эти поиски Единого были главным образом теоретического свойства и выражались и шкале всевозможных отрицаний, начиная с самых грубоматериалистических (еще в училище) и кончая самыми утонченно-пантеистическими. Не могу сказать, чтобы эти поиски были только творческие. Но и сердце и воля были все же под влиянием ума и служили ему. Мало-помалу во мне нечто устроилось, прояснилось и, наконец, я установился мыслью на Едином. И ум, и сердце, и воля, и мое сознание нашли всеобъединяющую точку, и с ней нарисовался путь жизни, полной единства, полной беззаветного стремления не уклоняться по сторонам. Так весь мой внутренний теоретический процесс привел меня к монашеству. Оно было нормальным, органическим выражением того, что создалось внутри.

Как пантеизм привел меня к теизму, как теизм разрешился в христианство, как христианство оформилось в православие, так православие, для меня лично, при стремлении окончательно, беззаветно, всецело отдаться ему, разрешилось в монашество. Я не могу уйти от него. Иначе был бы я подлец. Все нити внутренней жизни привели меня к этому центру. Если бы меня спросили за месяц, я не сказал бы, что буду монахом. Но когда эта мысль предстала моему сознанию, я увидел, что она есть лишь сокращенная формула того, чем полна моя душа. Ее роковой властительный характер тут же стал мне ясен. И я не колебался и не сомневался. Я сделался монахом, потому что должен был им сделаться. Не мог не сделаться. Когда я сделался монахом, для меня предстала дальнейшая задача: ощутить Бога, жить в Нем и из Него. То, что нашла мысль, а сердце только предчувствовало, то нужно было вполне пережить в себе. Не утверждаю, что я сознавал тогда свою задачу и ее отношения к предшествующему развитию. Но жизненно я, как кажется, твердо ощущал се и твердо шел к ее разрешению.

Опять не скажу, что монашество ясно выразилось каким-нибудь явным во мне переломом. Остался я тем же. Катастроф не было. Был постоянный процесс переживания в ту Единую точку, которую я обрел в своем духе. Черная ряса лишь служила для меня знаком, что я остановился мыслью в этой точке. И чем более я стоял на ней, всматривался в нее, разъяснял ее, тем ее лучи все более наполняли душу и освещали ее, тем ближе, родное становилась она, тем глубже и интимнее я ее переживал. Это было собственно постоянным ростом ощущения Бога. Иногда молитва давала величайшие, невыразимые восторги, полные тишины и блаженства. Но, конечно, все это было лишь по моментам. Жизнь окружающая шла своим чередом. Приходилось жить и действовать по случайным, стихийным мотивам воли. Вся жизнь была и казалась мне, чем она должна была быть. То ощущение Бога, Его любви, святости, чистоты, которое иногда овладевало душой,—служило вечным и жестоким укором всей стихийной жизни. У меня опускались руки делать что бы то ни было, ибо всякое движение воли, по-моему, должно вытекать из ощущения Бога, а на деле оно вытекало просто потому, что так заведена жизнь. Все порядки жизни общественной и церковной, вся рутина дел, все поступки и разговоры людей были для меня противны. Я ощущал в душе своей рай и жил вовне, точно в аду. Я весь измучился. Сочинение, которое нужно было мне написать, было мне тоже противно. Оно ничуть не вязалось с тем, что я переживал и само было лишь звеном общей бессмысленной рутины, Я рвался из этой паутины. Мне нужно было свою волю всецело подчинить тому, что есть Бог. А для этого нужно перескочить куда-то, нужно пожить независимо от этого условного мира. как можно крепче и глубже и шире ощутить Бога, сделать это ощущение таким интенсивным, чтобы оно само собой выражалось в действии, чтобы последнее было лучом, необходимо истекающим из солнца... Мне казалось, что возможно это только в уединении, при руководстве такого человека, который отсек бы мою волю и сделал ее послушной только Богу.

Воля и обычная жизнь моя и людская были для меня противны, и я жаждал убежать от них.

Вот как назрела мысль о монастырях и об Афоне. И я побывал в Соловках, на Валааме, в Задонске, Киеве, Константинополе и Иерусалиме. Везде старался беседовать с подвижниками и окончательно определиться.

Не скрою, что в этих беседах мне приходилось иногда переживать возвышеннейшие и сладчайшие минуты. Я чувствовал себя в веянии Бога. Я ощущал небо близким и родным. Никогда до того я не ощущал такой реальности духа, такой живости и возвышенной любви и чистоты молитвы. За этот период я как бы впервые обрел Бога. Но вместе с тем я вернулся назад к людям и в Академию. Это мне единогласно советовали и подвижники, особенно преосв. Феофан: к этому склонился под конец и я сам. Дело в том, что, переживши во время путешествия два пути духовной жизни старцев—путь созерцательный и путь деятельный, путь уединенной молитвы и путь открытой любви, путь Феофана и путь Оптинского старца Амвросия—я почувствовал, что мой путь последнего рода.

Я увидел, что я должен на людях подчинить свою волю Богу, что только путем преодоления эгоизма в каждый миг моего общения с людьми я достигну того света любви, который сам собой забрызжет лучами соответствующей деятельности.

Короче сказать, я нашел свой путь, определил его, и он оказался среди тех же людей, от которых я было бежал. Но я уже возвратился к ним не таким, каким уехал. Прежде я не знал, что с ними делать, теперь я узнал, что должен любить. Прежде я или осуждал их или терялся среди них, подчиняясь течению: теперь я покойно мог жить и действовать по своим собственным мотивам любви во имя Христа. Для меня сделаются ясным мой путь на людях. Куда бы он ни привел в смысле внешней жизни, мне все равно. Сейчас я в Академии, завтра могу быть выброшенным за борт и просить милостыню под окнами—для меня все равно. Последнее даже лучше.

Для меня стал ясен неотразимо мой долг—все делать по любви к человеку и Богу, к чему бы этот долг не привел. Внешняя судьба стала безразлична. Значит незачем стало и уединение. Я и на людях ощутил силу быть независимым от них и как бы любовь к ним. Так пришел в меня мир. И вот теперь живу этим миром, дышу и наслаждаюсь им. В смысле определения внутреннего пути больше идти некуда. Я установился... Будущее будет лишь развитием и раскрытием достигнутого синтеза. В смысле внешнем я ничего не знаю и не хочу знать. Не мое дело. Прошу Бога только о том, чтобы быть непоколебимо верным тому, что считаю истиной, а куда эта верность приведет—это Его воля. Притяжения к внешнему нет никакого.

Вот, мой друг, вкратке ответ на твой вопрос. Понятно, я брал главные штрихи. Множество было и второстепенных.

Ведь много пришлось и перевидеть, и передумать, перестрадать от верха до низу. Но все это было лишь побочными подпорками, которыми Бог вел меня к предназначенной внутренней цели. Ты спросишь, какая же моя внешняя цель. Она вполне вытекает из внутренней. Всюду, где только можно, насаждать царство любви и гармонического развития личности в духе при помощи Христа. В этом в сущности разрешается все православие, все его догматы, вся этика, все таинства, все обряды, вся жизнь. В разъяснении православия в этом смысле теоретическая задача наша. В проведении такого православия в жизнь частную, семейную, общественную, государственную вся наша практическая задача. В братском союзе сочувствующих и отдающихся всецело этой задаче людей—самый верный задаток обновления православно-русской жизни.

В молодом нашем монашестве и вообще в молодом поколении есть великие шансы на возрастание и утверждение таких союзов. В этом моя надежда и отрада, не только моя, но и

моих братьев по духу. Этим живу, за это и отдам жизнь, если угодно Богу. Как созреет наша жизнь и в какие отношения мы станем к православию—я не знаю. Это не дано предвидеть. Но верю, что несмотря ни на что, истина восторжествует. И я несказанно счастлив был бы, если бы пришлось пожертвовать жизнью ради этой истины,

Вот, мой друг, мои практические идеалы. Придется ли их осуществлять легальным путем или путем протеста сверху или снизу—все равно. Почему-то предчувствуется, что Бог приведет скоро к последнему. Но наше дело не рассуждать о том, что неизвестно, а быть готовым к нему.

В этом и есть ближайшая цель моей воли.

Архимандрит Таврион (Батозский): Письма к детям из уз

Дневники, письма, воспоминания

Приведенные здесь письма архимандрита Тавриона (Батозского) публикуются впервые, они адресованы братьям Ване, Мише и Шуре Елизаровым, жившим в то время в Перми, и написаны в конце 20-х годов, когда архимандрит Таврион находился в заключении. Один из братьев – Иван Елизаров – вновь встретился с о. Таврионом, в то время уже духовником Преображенской Пустыни и Троице-Сергиева женского монастыря в Риге, только через пятьдесят лет. Позднее он вспоминал, как много о. Таврион уделял внимания детям – водил на прогулки в лес, читал им книги, наставлял в вере.

Бесценным свидетельством особенной заботы о. Тавриона о детях и являются настоящие письма.

Редакция благодарит священника Владимира Вильгерта (Латвия) за предоставленный для публикации материал. В тексте сохранена орфография оригинала.

Таврион, милостью Божиею священно-архимандрит и узник, возлюбленным и верным о Господе отрокам Ване, Мише и Шуре

Благодать и мир да умножатся!

Милые дети! С радостью получил я весть о том, что вы, соблюдаемы Провидением Божиим, все здоровы и благополучны. Поверьте мне, что с того первого печального дня был удален от всех вас и заключен в лагерь, духом же и сердечной искренностью всегда с вами и не только привожу на память имена ваши в молитвах моих, но и во всех бедствиях и трудностях моих ношу всех вас в сердце своем. Припомните слова Господа «Пастырь добрый полагает жизнь свою за овец». Благодарю Бога моего, Которому служу от юности моей, за такое дивное завершение моего пастырского служения при славном Феодосиевском храме. Надеюсь, что все слышанное и виденное при наших торжественных богослужениях долго будет жить в сердцах людей.

Добрые дети, вы счастливы и блаженны, вы принимали участие в сих торжествах и так усердно и охотно разделяли со мной молитвы мои за всех, как за благополучных, так и за несчастных. Вы видели и слышали то, что теперь многие и очень многие дети лишены и удалены. Устраивая торжественные богослужения и так обильно украшая храм цветами, сим самым я старался не забывать и вас, дорогих детей, а уделять внимание, дабы в вашей святой юности начертаны

были светлые и благородные порывы, о которых в зрелости и старости могли бы вспоминать, как о лучших чувствованиях и переживаниях в период дивного и райского детства.

Дорогой Ваня! Ты как старший среди равных и родных братьев, будь во всем примером и своим заботливым обращением с младшими помогай родителям в воспитании младших, как сам, так и прочие братья старайтесь вести себя так, чтобы за вас радовались и утешались родители ваши. Дети, всмотритесь в жизнь своих родителей, и вы увидите, как они много заботятся о вас, они стараются прилично одеть, накормить и дать соответственное воспитание и образование, сознавая все это, вы не только должны удалить от себя непослушание, но и во всем показать усердие и благоговение пред их священной родительской заботой.

Добрый Ваня! Во дни наших общих молитв я не мог не заметить великих и благородных сторон твоего характера, которые особенно чувствовались в том внимании, с каким ты относился ко всему происходящему.

Дорогие дети, Ваня, Миша и Шура, храните залог святых веры, будьте всегда крепки и постоянны, молитесь Господу, Он особенно внимает молитвам детей и за детские молитвы в юности Господь часто хранит в лета от нечаянных опасностей и бед. Господь щедр к молитвам детей и быстро исполняет их желания. Старайтесь находиться больше дома, читайте полезное и поддерживайте хозяйственный порядок дома.

Напоминаю вам заповедь Господа «любите друг друга», старайтесь друг друга воспитывать и поддерживать, по отношению к другим относитесь внимательно и с почтением, избегайте всяких грубостей и гордости. Всеми силами сердец ваших почитайте родителей и дорожите ими, за ваше послушание и любовь к родителям вашим Господь щедро усыплет путь ваш.

Прошу, приветствуйте дорогих родителей ваших папашу и мамочку и всех ваших домочадцев, кланяйтесь Варваре Евграфовне и ее супругу. Да благословит их Господь.

Благодарю вас, дорогие, за заботы о мне.

Кланяйтесь Толе, Владиславу и Сереже.

Благодать Божия со всеми вами да будет!

Остаюсь с глубоким уважением и благодарностью.

С любовью во Христе.

Узник архим. Таврион.

Глубокоуважаемые и дорогие отроки, Ваня, Миша и Шура!

Милые мои дети! Шлю вам сердечное приветствие с места моего узничества, слышу, что верность ваша верна и постоянна, я глубоко тронут вашей заботой о мне, вашим христианским милосердием, особенно вашей чуткой юношеской признательностью и любовью.

Дорогие братья! Хотя я и далеко от вас и почти уже два года, как я изъят из среды вашей, но духом, сердцем и молитвой близок к вам. Удаление мое не только не изгладило преданности моей к вам, а еще больше возвысило и углубило все мои желания и теперь всегда желаю об одном: остаток дней своих посвятить на дело нравственно-христианского воспитания

христианских детей. Дорогие братья, с отеческой жалостью сознаю, как много на вашем юношеском пути искушений и преград, коими желают вырвать самое дорогое и радостное из сердец ваших – веру и невинность. Помните, милые, что Христос – это жизнь наша, углубитесь в слова Евангелия, и вы увидите и почувствуете, как радостна, мирна, счастлива жизнь, растущая на Евангельской истине. Жить христианской жизнью, это значит развивать и расширять внутренне жизнь нашего существа, нашей личности, ибо всякий христианин по благодати Христовой призван подражать св. Павлу, который сказал: «Подражайте мне, как я Христу». И еще есть одно средство принятия божественной жизни нашим сердцем – молитва. Прошу вас, дорогие, пока вы юные и чистые понуждайте себя к молитве, но молитесь так, как учил нас Господь. Господь же сказал: «Когда ты молишься, войди в укромное место и затвори двери и молись Отцу Твоему в тайне, и Отец Твой, видящий в тайне, воздаст тебе явно». Молитесь о успехах в учении своем, ибо только Бог есть источник Разума и Знаний, молитесь за благополучие Ваших родителей и всей вашей семьи, молитесь и о узах моих, да скоро данбуду вам. Прошу, приветствуйте дорогих папашу и мамочку, да умудрит и сохранит их Господь! Хотелось бы мне много написать и напомнить вам, но жаль, я не имею времени. Дорогие детки, усердно учитесь и уважайте друг друга, слушайтесь во всем родителей и успехами своими радуйте их. Да благословит вас всех Господь.

С любовью во Христе.

Узник архим. Таврион.

: Свято-Филаретовская Московская высшая православно-христианская школа

Информация

является высшим духовным учебным заведением, действующим по благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, готовящим миссионеров и катехизаторов Православной Церкви; дает своим студентам подготовку в области Священного Писания и Предания, богословских и философских наук, истории Церкви, древних и современных языков, а также по ряду иных церковных дисциплин.

Обучение в Высшей школе длится ШЕСТЬ лет и состоит из двух последовательных циклов. В течение первых ТРЕХ лет обучения, происходящего на основе систематических курсов лекций и семинарских занятий, студенты получают фундаментальную подготовку по основным предметам. Занятия проходят в вечернее время. Основные дисциплины: первого курса — Ветхий Завет, катехетика и аскетика; второго курса — Новый Завет, богослужебная практика и литургия; третьего — История Церкви, в т.ч. Русской Православной Церкви, и догматика. Завершается первый цикл письменной работой на получение ученой степени бакалавра.

В течение второго цикла, длящегося также ТРИ года, студенты углубляют и расширяют приобретенные знания, получают в соответствии со своими желаниями и возможностями определенную специализацию. Занятия проходят в форме лекций, семинаров, специальных курсов и факультативов, а также самостоятельной работы. На последнем шестом курсе студенты готовят дипломную работу или магистерскую диссертацию, которую представляют для защиты в одну из высших зарубежных богословских школ.

В Высшую школу принимаются православные христиане, не моложе 21 года, прошедшие цикл катехизации для взрослых, регулярно причащающиеся и представляющие цель своего прихода

в Школу.

Для поступления необходимо представить следующие документы: 1. Прошение о приеме на имя ректора священника Георгия Кочеткова, анкету (заполняется при сдаче документов) и автобиографию 2. Письменную рекомендацию, подтверждающую также прохождение полного оглашения (желательно от священника). В случае необходимости может быть затребована характеристика от духовника (или другого духовного попечителя) 3. Копию аттестата о полном среднем или диплома о среднем специальном или высшем образовании 4. Две фотографии 5. Письменную работу на тему: «Мой путь к Богу и в Церковь» (2–5 маш.стр.)

На основании представленных документов абитуриент допускается к письменному экзамену (изложение предложенного отрывка из Евангелия с письменной проповедью на ту же тему) и вступительному собеседованию. Вступительное собеседование проводится с каждым абитуриентом индивидуально. Для подготовки к вступительному собеседованию необходимо следующее: 1. Прочитать полностью Новый Завет; из Ветхого завета — НЕ МЕНЕЕ: Сирах, Премудрости и Притчи Соломона, Псалтирь, Бытие, Исход, Второзаконие, 1 из «больших» и 2 из «малых» пророков. 2. Знать основные особенности богослужений: вечерни, утрени, литургии, уметь пользоваться книгой «Всенощное бдение. Литургия». 3. Регулярно использовать Православный молитвослов. Знать наизусть молитвы по программе для поступающих в духовную семинарию (см. ниже). 4. Прочитать «Православные катехизисы» свт. Филарета Московского или еп. Александра (Семенова-Тянь-Шанского). Выписать и знать наизусть не менее 30 цитат из Священного писания, приведенных в катехизисе свт. Филарета (по-русски). 5. Свободно ориентироваться в настольном церковном календаре, знать основные посты, праздники и их смысл и т.д. 6. Прочитать и уметь выделить главное в книгах: Беседа преп. Серафима Саровского с Мотовиловым; прот. Александр Шмеман «За жизнь мира»; митр. Сурожский Антоний «Беседы о вере и церкви»; архиеп. Финляндский Павел «Как мы веруем»

ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ПОСТУПЛЕНИЯ ПРИНИМАЮТСЯ ДО 10 СЕНТЯБРЯ

по адресу: 103045, Москва, Сретенка, 3, храм Успения в Печатниках

ежедневно с 11.00 до 18.00

: Богословские курсы

Информация

при Свято-Филаретовской московской высшей православно-христианской школе (МВПХШ), имеющей благословение Патриарха Московского и всея Руси Алексия II

Цель Курсов — знакомство слушателей с основными направлениями православного богословия:

библейстикой (Ветхий и Новый завет) христианской этикой и эстетикой аскетикой введением в мистику литургикой и каноникой сакраментологией догматикой и экклезиологией общей церковной историей апологетикой

Время обучения — 2 года. Занятия (лекция и семинар) — один раз в две недели.

Вступительных экзаменов нет. Слушатель Курсов должен соответствовать уровню требований к поступающим на I курс МВПХШ (пп. 1–6), кроме знания наизусть цитат по Катехизису. Желающие получить Свидетельство об окончании Курсов проходят итоговое

собеседование. Принимаются подавшие прошение на имя ректора МВПХШ священника Георгия Кочеткова члены Право-славной церкви, регулярно причащающиеся и прошедшие цикл оглашения для взрослых. Кроме прошения, необходимы следующие документы:

1. Письменная рекомендация, подтверждающая прохождение оглашения (желательно о священника)
2. Анкета (заполняется при сдаче документов)
3. Автобиография
4. Две фотографии
5. Письменная работа «Мой путь к Богу и в Церковь» (2-5 машинописных страниц)

ПРИЕМ ДОКУМЕНТОВ — ДО 10 СЕНТЯБРЯ

по адресу: 103045, Москва, ул.Сретенка, 3, храм Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках,
ежедневно с 11.00 до 18.00.